

Вениамин Купсин

Сквозь годы мчась...

История жизни, которая прошла через два века

Специальное издание, посвященное столетию автора

2013

Оглавление

I. С Георгиями на груди	13
II. В пламени Гражданской войны	21
III. НЭП: начало и конец.....	25
IV. Я б в рабочие пошел.....	34
V. Первое метро	39
VI. С «красным» дипломом	44
VII. Любовь и война.....	47
VIII. Ленинградская блокада.....	56
IX. Мы едем на восток	78
X. Вспоминая об американской тушенке	80
XI. Из-под носа у немцев.....	84
XII. Командировка за «трофеями».....	88
XIII. Все – впереди	104

Вениамин Купсин

Посвящается моим внукам Даниилу, Григорию,
Ларисе, а также правнукам Алану и Майклу Купсиным.

Перед вами удивительная книга, в своем роде уникальная, хотя вы не найдете в ней захватывающего сюжета или бурных романтических переживаний. Это история жизни человека, судьба которого тесно переплелась с драматической судьбой страны, называвшейся в начале XX века Россией, потом Советским Союзом, а сегодня, уже в веке XXI, – снова Россией. Последние годы династии Романовых, Первая мировая война, революция, Гражданская война, Отечественная... Ленинградская блокада, послевоенная разруха и восстановление... Через все эти труднейшие, нередко трагические, этапы отечественной истории, охватившей сразу два века, прошел автор и герой этой книги Вениамин Купсин. Прошел, как и многие, со слезами и горя, и радости на глазах. Не всегда ему удавалось увернуться от ударов судьбы, но никогда не покидало чувство надежды, тот удивительный жизненный оптимизм, та необоримая жизнестойкость и сила духа, которые позволили наперекор всем невзгодам вырастить трех крепко стоящих на ногах сыновей и дожить до весьма преклонного возраста в полной уверенности, что главное – еще впереди. Возможно, это будет еще одна нарисованная им картина, еще одна выставка его работ в Нью-Йорке, где он живет последние годы, еще один родившийся правнук или просто еще один счаст-

.....

ливый миг прожитого дня... Этот человек точно знает – жизнь прекрасна, и потому, несмотря на годы, ходит в спортивный зал, учит английский и не расстается уже многие десятилетия с кистью – живопись по сей день остается не только его увлечением, но настоящей музой, которой он отдает все вдохновение свой души и сердца.

Ему есть что вспомнить, есть что рассказать не только своим внукам и правнукам, но и всем нам. Поэтому и родилась эта необычная книга. Трудно привести еще один пример, когда бы человек написал свою первую книгу, свою «повесть пламенных лет» на 95-м году жизни. Вениамин Купсин совершил этот, по сути, гражданский и человеческий подвиг. Об этом человеке с удивительно молодыми и пытливыми глазами, лицо которого, кажется, всегда дышит радушием и приветливостью, можно рассказать многое. Но никто не сделает это лучше него самого. Книга, лежащая перед вами – наглядное тому свидетельство.

I. С Георгиями на груди

Картины далекого прошлого с расстояния прожитых лет вспыхивают в памяти, словно при разряде молний, – одни ярче, другие слабее. Иногда даже кажется, что какие-то события происходили не со мной, что я это вижу как бы со стороны, словно прокручивается в обратную сторону лента кино. Воспоминаний так много, что они иногда налетают словно рой пчел, вытесняя друг друга, не давая сосредоточиться на одном, кажущемся самым важным. И не всегда удается выстроить их в хронологический ряд, соответственно исторической последовательности и точности. То одно, то другое вырывается из цепких объятий памяти, будто птицы из клетки, застывая в отдалении ярким видением. Почему-то особенно часто возникает картина, озаренная каким-то особенным светом: я гуляю с мамой и папой по Дворцовой площади в Петербурге, и вдруг все, кто там находился замирают в каком-то трепете, а над мгновенно притихшей площадью разносятся торжественные слова: «Боже, Царя храни! Сильный, державный, царствуй на славу нам; Царствуй на страх врагам, Царь православный!»

.....

И я явственно до сих пор вижу незабываемую картину – из Зимнего дворца выезжает золоченая царская карета, в которой сидят Николай II и государыня-императрица. Сколько мне было тогда лет? Два, три года – не больше, учитывая, что я родился в мае 1913-го, но память удивительным образом это сохранила. А вскоре все смел вихрь двух революций – сначала Февральской, затем Октябрьской. И праздничные царские выезды, и красивую публику на Невском, и казавшееся безмятежным детство.

Правда, безмятежным мое детство можно назвать с некоторой натяжкой, хотя наша семья до революции не бедствовала. Отец, Аким Исаевич, прекрасный портной, имел швейную мастерскую, в которой работало еще шесть мастеров. Именно его высокая профессиональная квалификация; подкрепленная документом об окончании специализированного учебного заведения, дала нашей многочисленной еврейской семье возможность жить в столице Российской империи, а не в «черте оседлости». Такое право имели только купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, средний медицинский персонал, ремесленники особой квалифика-

.....

ции в необходимых отраслях, а также отставные нижние чины, поступившие на службу в царскую армию по рекрутскому набору, и крещенные евреи. И к каким только ухищрениям, сопряженным с опасностью оказаться в руках жандармов, которые тщательно следили, используя не только сотни сыщиков, но и доносы «бдительных» граждан, чтобы в столицу не проник ни один «незаконный» еврей, ни приходилось прибегать нашим несчастным соплеменникам, пытавшимся перейти эту злосчастную черту и как-то изменить ход своей жизни. Попытался это сделать и мамин брат Зиновий Шайкинд, приехавший однажды к нам в Питер из маленького местечка в Волынской губернии. Приехал, естественно, с риском нарваться на неприятности, самая маленькая из которых – быть выдворенным из столицы. Но, несмотря на это, он хотел во что бы то ни стало получить образование и стать провизором. Рисковали и родители, которые прятали его на ночь в платяных шкафах мастерской, днем же он где-то подрабатывал, тоже, естественно, нелегально, и даже вступил в какой-то революционный кружок (К слову сказать, именно беспросветность существования, отсутствие

.....

перспективы в жизни, толкали еврейских юношей и девушек из местечек в революционную бучу.) Забегая вперед скажу еще, что Временное правительство А. Керенского отменило не только злополучную «черту оседлости», открыв возможность евреям жить, где угодно, но и сняло все существовавшие при царском режиме вероисповедные и национальные ограничения. Что же касается дяди Зямы, то ему удалось тайно просуществовать в Петербурге до Февральской революции, после чего он смог жить и работать здесь открыто. И хотя его юношеская мечта стать провизором не сбылась, зато он впоследствии смог достичь другой цели – стать профессором Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, который, насколько я знаю, сейчас стал Российской экономической академией. Напомню попутно о том, что, возможно, неведомо нынешней еврейской молодежи, особенно в Америке. Черта оседлости в Российской империи, то есть граница территории, за пределами которой запрещалось постоянное жительство евреев, охватывала специально оговоренные населённые пункты городского типа (местечки) значительной части Царства Польского, Литвы,

.....

Белоруссии, Бессарабии, а также части территории современной Украины, которая расположена в бывших южных губерниях Российской Империи. Причем проживание евреев в соответствии с указом о черте оседлости разрешалось лишь в специально оговоренных городах и местечках, но не в сельской местности. К этому следует добавить запрет на занятие сельским хозяйством, ограничения при приеме в гимназии и университеты, полуофициальное отношение к евреям как к ограниченным в правах гражданам... Все это было проявлением своего рода государственно-антисемитизма, столь позорно проявившего себя и в советское время.

Наша семья, благодаря отцу, смогла вырваться из тесного и безрадостного мира местечек, однако столичная жизнь оказалась недолгой – начавшаяся Первая мировая война, а затем две революции и опустошительная гражданская междоусобица, внесли свои коррективы в наши судьбы, как и в судьбы миллионов семей по всей России. Мне еще не было года, когда отец пошел добровольцем на войну. И сегодня я с гордостью могу сказать моим внукам, что их прадед, полковой разведчик Аким Купсин, отважно сражался

.....

и вернулся домой с тремя Георгиевскими крестами за храбрость. А Георгиевский крест – это высший знак солдатской доблести. Евреи и в ту войну проявили себя храбрецами. Не случайно среди них было немало Георгиевских кавалеров. Среди них назову Дмитрия Шмидта, который был полным Георгиевским кавалером, то есть имел четыре креста, также как и Михаил Шик, ставший впоследствии священником и погибший в сталинских концлагерях. Таким же полным Георгиевским кавалером был и знаменитый бас, солист Большого театра Марк Осипович Рейзен. Вот в таком замечательном ряду был и мой отец. Один из полумиллиона российских евреев, сражавшихся на полях Первой мировой войны, причем некоторые из них – выпускники гимназий и вузов, освобожденные от призыва – пошли на фронт, как и он, добровольно.

Но награды за воинскую доблесть не всегда помогают солдатам в мирной жизни. Жить в послевоенном Петрограде, охваченном революционной смутой, в полуголодном режиме, особенно обострившемся после Октября 17-го, с тремя маленькими детьми, в ужасной тесноте, практически без работы – кому нужны были в то вре-

.....

мя костюмы мастера Купсина?! – стало невыносимо. И родители принимают решение, которое впоследствии оказалось ошибочным, покинуть Петербург и уехать в «хлебный» Борисоглебск Тамбовской губернии, к родственникам. Но кто же тогда знал, что они попадут «из огня да в полымя», что через этот город будут прокатываться кровавые волны Гражданской войны и он станет переходить из рук в руки – от белых к красным, от красных к белым, причем каждая смена власти оставит свои страшные отметины – горы трупов и разграбленные дома. Особенно свирепствовала неизвестная «Дикая дивизия», состоявшая в основном из горцев – чеченцев, осетин, ингушей, воевавших вместе с белоказаками армии генерала Мамонтова. И что примечательно – эта дивизия была сформирована после начала Первой мировой войны на волне патриотического подъема, охватившего Россию. Именно тогда родилась идея создания из горцев Кавказа особого ударного боевого соединения. После чего в составе Императорской конницы была сформирована Кавказская конная туземная дивизия, за которой в военном обиходе как-то сразу закрепилось и другое, более короткое и звучное

.....

название – Дикая дивизия. А инициатором создания и первым начальником этой дивизии стал Великий князь Михаил Александрович, которого в сентябре 1915 года сменил князь Димитрий Петрович Багратион – фамилия в русской армии легендарная. А вот когда началась Гражданская война, то Дикая дивизия в полной мере доказала справедливость названия, которое за ней закрепилось. Страшные картины того времени, когда мы жили в Борисоглебске, я не могу забыть до сих пор.

II. В пламени Гражданской войны

Это произошло ночью. Я и мои сестры металась в тифозном жару. Мама, Елена Львовна, наверное, не смыкала глаз, во всяком случае, кажется, до сих пор я помню нежное и прохладное прикосновение ее рук. И вдруг – стрельба за окном, цоканье копыт и гортанные крики, разрезающие ночную тишину. Это в наш город ворвалась орда Дикой дивизии. До сих пор слышу крики нашего соседа дяди Моисея, которого чеченцы избивали нагайками, требуя отдать спрятанное золото. Видимо считали, что у каждого еврея припасен драгоценный металл. Нам тоже не удалось избежать налета неожиданных гостей, к счастью, отец успел спрятаться на соседнем огороде и тем самым, возможно, спас себе жизнь. Казаки – не знаю, кто они были – чеченцы или ингуши, помню только, что все с бородами и кинжалами за поясом, грубо потребовали от матери принести все золото, которое у нас есть. Мама сказала, что золота нет, а есть только больные тифом дети. Тогда один из них начал избивать ее на наших глазах, несмотря на мои мольбы не трогать маму. Я даже пытался схватить его за руки, но он швыр-

нул меня на пол и, сверкая глазами, злобно сказал: «Еще одно движение, паршивый жиденок, и я тебя прирежу». При этом он положил руку на рукоять кинжала. «Сынок, только молчи», – прошептала рыдающая мама.

Но она была не последней жертвой в нашем доме – бандиты жестоко избили нагайками и моего дедушку. В конце концов, найдя два обручальных кольца, они в спешке ушли – к городу подходили отряды Красной Армии. Бои за город шли всю ночь, а утром, под звуки «Интернационала», в Борисоглебск вошли красноармейцы. Их взору предстала мрачная картина – разграбленный, запутанный город, десятки раненых и убитых, дым, застилающий улицы, и рыдания, доносящиеся из окон. Успели «дикари» покуражиться и над местной синагогой – видимо, Аллах им так повелел.

Это только один эпизод Гражданской войны, непосредственно коснувшийся нашей семьи. Справедливости ради надо сказать, что красные тоже не были ангелами и вслед им тоже неслись проклятия... Но такова суровая правда той поры, когда огромная страна была разорвана надвое и брат шел против брата...

.....

.....

Жителям Борисоглебска, который оказался в то суровое время «прифронтовым городом», пришлось испытать особенно много горя. Именно в этом районе не раз вспыхивали контрреволюционные мятежи, которые жестоко подавлялись Красной Армией, но и белые не оставались в долгу. Мне тогда было всего пять лет, и многое я помню со слов родителей, но какие-то эпизоды отчетливо врезались в память. Особенно страшно было, когда в декабре 1918 года белоказачьим бандам генерала Гусельщикова, подручного атамана Краснова, удалось захватить Борисоглебск, где они устроили невиданный разгром. За две недели пребывания в городе белогвардейцы уничтожили сотни людей. Только во дворе пожарной команды было обнаружено более 400 трупов. Мне, конечно, это все не показывали, но до сих пор помню ту атмосферу страха и ужаса, которые царили в нашем доме. Гражданская война нанесла Борисоглебску огромный урон. Предстояла труднейшая работа по восстановлению разрушенной промышленности и городского хозяйства. Но в сравнительно короткий срок были возрождены и пущены промышленные предприятия, железнодорожные мастерские

.....

преобразованы в паровозоремонтный завод... Постепенно преобразался облик старого мещанского города. В Борисоглебске построили мясоконсервный комбинат, реконструировали и расширили мелькомбинат, по существу заново был создан чугунолитейный завод... В городе появилось несколько техникумов, свой драматический театр, были открыты новые школы, клубы. Постепенно жизнь входила в нормальное русло, а вместе с этим внешне преобразались и люди – им хотелось красиво одеваться, веселиться, хотелось немножко праздника. И у отца снова закипела работа, о его золотых руках ходили легенды, от заказчиков не было отбоя. Тем более вскоре в стране наступила эпоха НЭПа, когда появились не только давно исчезнувшие с прилавков магазинов продукты и товары, но и частные предприятия, и частные предприниматели, то есть по современному – бизнесмены.

III. НЭП: начало и конец

Новая экономическая политика (НЭП) была не добровольной, а вынужденной мерой большевиков в ситуации, когда страна лежала после Гражданской войны в экономических руинах, когда по ее бескрайним просторам бродили сотни тысяч несчастных беспризорных детей, а безработица буквально косила миллионы семей. Обессилевшее от войны и постоянных поборов крестьянство уже не в состоянии было прокормить страну – над ней нависла угроза голода. И когда к весне 1921 года стало понятно, что всеобщее недовольство низов, их вооружённое давление может привести к свержению власти Советов во главе с большевиками, Ленин и решился пойти на уступку ради сохранения «революционных завоеваний». Вот тогда-то и была отменена душившая крестьян продразвёрстка и заменена продналогом, который был примерно вдвое ниже. Следующим шагом стало провозглашение Новой экономической политики, которая предусматривала допущение рыночных отношений. И эти отношения стали бурно развиваться – в промышленности и торговле возник частный

.....

сектор, некоторые государственные предприятия были денационализированы, другие – сданы в аренду; было разрешено создание частных промышленных предприятий с числом занятых не более 20 человек (позднее этот «потолок» был поднят). Среди арендованных «частниками» фабрик были и такие, которые насчитывали 200-300 человек. Тогда же взамен обесценившихся совзнаков был начат выпуск новой денежной единицы – червонцев, имевших золотое содержание и курс в золоте (1 червонец = 10 дореволюционным золотым рублям = 7.74 г чистого золота). На валютном рынке, как внутри страны, так и за рубежом, червонцы свободно обменивались на золото и основные иностранные валюты по довоенному курсу царского рубля (1 американский доллар = 1.94 рубля). Еще одним глотком кислорода для задыхающейся экономики страны стала отмена закона о всеобщей трудовой повинности, которая дала возможность тысячам людей заняться предпринимательством. Быстро стали наполняться полки магазинов, во многих городах были открыты «Торгсины», где можно было купить дорогие вещи, но только за золото и иностранную валюту. Люди сами отрывали свои

.....

клады и несли припрятанные драгоценности в эти комиссионные магазины. Деловые люди, получившие потом полупрезрительную кличку «нэпманы», очень быстро стали наполнять рынок товарами и услугами, открыли шикарные рестораны, где «новые купцы», а также представители богемы, гуляли ночи напролет. Родители тоже не упустили свой «исторический» шанс и открыли палатку для продажи швейных изделий, которые изготовлялись в мастерской отца. В наш дом снова пришел достаток, но мудрая моя мама, Елена Львовна, которая помогала отцу в мастерской, не раз предупреждала его: «Ой, не верю я, Аким, что это надолго, большевики не допустят, что одни богаче других. Не для этого они делали свою революцию». «Вечно ты чего-то боишься, – недовольно отвечал отец. – Им нужны хорошие головы и хорошие руки, чтобы накормить голодный народ. А когда народ голодный – он злой, и от него неизвестно чего можно ждать. Не волнуйся, на наш век НЭПа хватит».

Но моя умная еврейская мама в душе не верила Ленину, объявившему, что «НЭП – это всерьёз и надолго», хотя никому об этом не говорила. И она оказалась права. Прошло не так

.....

много времени, когда большевики поняли, что случилось уже после смерти вождя мирового пролетариата, что частнопредпринимательского джина пора загонять в бутылку, пока он не стал слишком силен и не подмял коммунистическую идею о всеобщем равенстве. Ведь страна строила социализм, а тут буржуи под ногами мешаются. И началась великая кампания выдавливания нэпманов, как класса. Мавр сделал свое дело – помог голодной и разрушенной Стране Советов выжить, мавр должен был удалиться. Нэпманов лишили многих гражданских прав, в том числе права голоса, они не могли быть избраны ни в какие государственные органы власти, их детям ограничили возможность получать не только бесплатное образование, но и медицинскую помощь. И это при том, что большинство предпринимателей, в том числе и мой отец, работали, не покладая рук, и исправно платили государству налоги. Чтобы окончательно добить частников, приравненных чуть ли не к врагам народа, во всяком случае в массовое сознание внедряли именно такую мысль, им взвинтили до предела налоги. Для отца, как и для многих ремесленников и торговцев, это стало непосильным бреме-

.....

нем, и он в конечном итоге закрыл свое дело и стал членом кооперативной артели портных.

А вскоре начался настоящий государственный грабеж, к которому привлекли силы ГПУ. Во всех крупных городах, в том числе и в Борисоглебске, частников, прежде всего тех, кого за секли покупающими ценности в «Торгсинах», вызывали в местные отделения этого учреждения и проводили для начала «воспитательную» беседу в таком духе: «Господа, вы купили золото на чёрный день. Чёрный день настал! Сдавайте его государству!». Некоторые, поняв, что «жизнь дороже», сдавали всё сразу. Колеблющихся убеждали самыми разными методами. Одним читали лекции по политэкономии социализма, уверяя, что каждый гражданин станет богаче, сильнее и свободнее, если единственным владельцем золота в стране станет могучее социалистическое государство. Причем, насколько я знаю, эти лекции проводились на территории местных тюрем. Так сказать, для большей убедительности затронутой темы. Для других, если слова не доходили до сознания, средством убеждения становилась камера, в которой воздух нагревался до 60 градусов Цельсия, при этом упрямым не давалось

.....

ни глотка воды. Были и другие камеры – с нулевой температурой и водой по щиколотку, а если и это не «убеждало», то просто били смертным боем. Лишь единицы выдерживали эти пытки, большинство же сдавалось и отдавало всё, что удалось накопить за короткий период НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. Так, ручейки нэпмановского золота текли в социалистическую казну. Мама оказалась права относительно долговечности НЭПа, она просто не могла представить, в какие страдания это в конечном итоге выльется. Ведь страдали не только «репрессированные» нэпманы, которые фактически стали изгоями общества – лишенцами, но и их дети. Но это была только часть той трагедии, в которую ввергла страну власть, возглавляемая к тому времени Сталиным, устроив массовую охоту на частных собственников, в большинстве своем средних и мелких предпринимателей, поскольку стратегические отрасли экономики оставались в руках государства. Последствия этой политики проявились довольно быстро после того, как рассеялся «угар НЭПа»: тысячи закрытых из-за непомерных налогов мелких и средних предприятий, обеспечивавших население многими

.....

необходимыми товарами и услугами, резкий рост цен, длинные очереди на открытых к тому времени биржах труда, пустеющие полки магазинов и призрак голода... Из экономики страны волевым порядком убрали тысячи инициативных, толковых людей, и она начала давать сбои, сказавшиеся на жизни большинства населения.

Ситуацию усугубила и начинавшаяся кампания по коллективизации и раскулачиванию в сельском хозяйстве, которая привела не только к голодомору на Украине и в других регионах тогдашнего СССР, но и на многие годы лишила страну хороших земледельцев, крепких крестьянских хозяйственников, которые когда-то обеспечивали хлебом не только Россию, но и ряд других стран, куда она продавала зерно. Забегая вперед напомним, что десятилетия спустя, СССР закупал в огромных количествах зерно за рубежом, залезая для этого в огромные долги, – так кампания раскулачивания сказывалась на годы вперед, так земля мстила за издевательства над ней.

Процесс «раскулачивания» был непосредственно связан с другим процессом – насильственной «коллективизацией» сельского хозяйства, вызвавшего активное сопротивление

.....

крестьян, прежде всего более-менее зажиточных, имевших свои наделы земли, скот, в общем, как говорили, крепких хозяев. Вот против них и был направлен «карающий меч революции» – ликвидация кулачества как класса предусматривала насильственное лишение зажиточных крестьян, использующих наёмный труд, всех средств производства, земли и гражданских прав, и выселение в отдалённые районы страны. Причем попасть в списки кулаков, составлявшиеся на местах, мог практически любой крестьянин. Ведь масштабы сопротивления коллективизации были такими, что захватили далеко не только кулаков, но и многих середняков – противившихся коллективизации. Не случайно идеологической особенностью того периода стало широкое применение термина «подкулачник», что позволяло репрессировать вообще любое крестьянское население, вплоть до батраков. При этом семьи арестованных, заключённых в концлагеря или приговоренных к расстрелу, подлежали высылке в северные районы СССР... Всего, насколько я помню из опубликованных в прессе данных, за 1930-1931 годы, было отправлено на спецпоселение 381 026 семей общей численностью 1 803

.....

392 человека. За 1932-1940 гг. в спецпоселения прибыло еще 489 822 раскулаченных.

Вот такой была история страны, которая прошла стальным катком по судьбам миллионов людей. До сих пор у меня перед глазами стоят душераздирающие картины, которые я наблюдал в Борисоглебске летом 1931 года. Чуть ли не каждый день в город на специальные сборные пункты доставлялись под усиленной охраной подводы с раскулаченными крестьянами и членами их семей, которых затем грузили в товарные вагоны, как скот, и отправляли на Север – в Воркуту, на Магадан... Для тысяч и тысяч это был путь в один конец – многие не выдерживали голода и холода и погибали еще в пути, другие – в местах поселений. Так погубили цвет русского крестьянства, погубили безвозвратно. Ведь «продовольственные поезда», которые снаряжали голодные жители провинциальных городов в Москву, Ленинград и ряд других крупных центров, снабжавшихся лучше других, в 60-70-е и 80-е годы, «походы за колбасой» – все это было драматическим эхом той страшной поры.

.....

IV. Я б в рабочие пошел...

Жить нашей семье, состоящей из шести человек, вскоре стало невероятно трудно. Мне уже исполнилось шестнадцать лет, надо было помогать отцу и матери тащить непосильный груз. Ведь кроме меня у них было еще трое детей – мои сестры. Я закончил девятый класс школы и вскоре стал учеником слесаря на мельнице. Рабочий день начинался в 6 утра, заканчивался – в 4 дня, но мне казалось, что он нескончаем. Кроме того, что сама работа была очень физически трудной, особенно для меня, фактически подростка, мастер, к которому меня приставили, был горьким пьяницей и заставлял меня выполнять самые грязные и тяжелые операции. Но я вынужден был терпеть унижения и оскорбления, на которые он не скупился, потому что чувствовал ответственность перед семьей, в которой я стал еще одним кормильцем. Но, несмотря на тяжесть работы на мельнице, я благодарен судьбе, что именно там была заложена дорога ко всей моей будущей трудовой жизни, неразрывно связанной с мукомольной промышленностью. Ведь так или иначе я был причастен, может быть, ксамому главному – обеспечению людей хлебом.

.....

До сих пор помню ощущение какой-то приподнятости, когда утром, приходя первым на мельницу, запускал двигатель, чтобы обеспечить работу слесарной мастерской на весь день. Для меня, шестнадцатилетнего паренька, это было событие, равное запуску авиационного двигателя – авиацией тогда бредили миллионы советских юношей и девушек. Но тогда, работая на мельнице, я получил еще одну «путевку в жизнь», которая не дала мне профессию, но открыла просторы творчества, ставшего для меня, как я считаю, «откровением души». Как и у всех, у меня был свой участок общественной работы – оформление стенгазеты. В детстве я неплохо рисовал и это качество пригодилось для регулярных выпусков стенной газеты под названием «Зеркало нашей жизни». Наверное, мое творчество было не так плохо, потому что газету хвалили на всех собраниях, особенно за рисунки и плакаты, которые я делал. Начальство не раз ставило меня в пример не только за работу, но и за общественную деятельность, что в то время было особенно важно. Возможно, именно тогда я почувствовал настоящий вкус к рисованию, которым не прекращаю заниматься по сию пору.

.....

А через год моя жизнь круто изменилась – оценив, то ли мою добросовестность и природную смекалку, которой бог меня не обидел, то ли общественную деятельность, руководство мельницы, согласно разнарядке, рекомендовало меня на учебу в Московский мукомольный техникум на механический факультет, рассчитывая, понятно, что через 4 года на предприятие вернется хороший дипломированный специалист. Но, приехав в Москву, я неожиданно получил от ворот поворот. Заведующая учебной частью, которой я отдал документы, буквально оглоушила меня, заявив, что я слишком мал для учебы в техникуме, предложив приехать через год. Ну, конечно, она больше привыкла иметь дело с партийцами намного старше меня, занимавшими различные серьезные должности, которых направили на учебу, а тут приехал 17-летний рабочий парнишка... В общем, сравнение оказалось явно не в мою пользу. Обида была такая, что хотелось реветь. Да и с каким лицом я вернусь домой – позору не оберешься: вот так выучился Веня за несколько дней! И я, набравшись смелости пошел прямо к директору, имя и фамилию которого помню до сих пор – Георгий Озолин. Он был одним из тех

.....

людей (а мне, честно говоря, везло на хороших людей в жизни), которые во многом помогли сложиться моей судьбе так, как она сложилась, за что я им безмерно благодарен. Короче, я пошел к директору, благо он жил во дворе техникума, и все ему рассказал, в том числе и о своей жизни. Он внимательно выслушал меня, задал несколько вопросов и сказал: «Все, будешь учиться. Нам нужны молодые, грамотные ребята. Ведь нам учиться было некогда». Под «нами» он подразумевал, конечно, себя и тех красных командиров, которые, как и он, участвовали в революции и Гражданской войне. Сам Озолин был из латышей и командовал в Гражданскую дивизией, кажется, в армии СМ. Буденного. Во всяком случае, у него дома, где я бывал довольно часто, я видел наградное оружие – шашку и наган, а также боевые ордена. Перед праздниками – Первомаем и 7 Ноября – он доверял мне почистить свое оружие, которое надевал, когда шел на Красную площадь. Я не только стал студентом техникума, но и подружился с Озолиным, которого ценил и как прекрасного человека, и как отличного организатора. С помощью студентов он построил общежитие, в котором мы потом жили, организо-

.....

вал курсы по ликвидации неграмотности среди красноармейцев в казармах «Матросской тишины», которые впоследствии превратили в знаменитую тюрьму. Озолин и меня привлек к этой работе, так что я не только сам учился, но и учил, в меру своих знаний, других.

V. Первое метро

Прожить на крохотную стипендию было нелегко, поэтому вечерами мы подрабатывали кто где. Мне довелось попасть в «бригаду», которая убирала кабинеты Всесоюзного Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) по окончании рабочего дня.

Правда, заканчивался он тогда в советских учреждениях под утро – пока вождь бодрствовал, никто не смел покинуть рабочее место. Поэтому работать мне и другим студентам приходилось нередко в ночное время, дожидаясь, пока Рыков, Каменев или Бухарин, которых мне довелось видеть, как говорится, вживую, покинут свои служебные помещения. Все они, как известно, впоследствии оказались «врагами народа» и были расстреляны. Но самым большим ударом для меня, как и для большинства студентов техникума, был арест Георгия Озолина, которого все любили. Однако нас, понятно, никто не спрашивал, просто еще один хороший человек, проливший кровь за эту власть, попал в чудовищную машину сталинских чисток. И бесследно исчез в ней, если не считать той доброй памяти, которую он о

себе оставил. Я до сих пор чувствую запах кофе, которым был пропитан его дом.

Страна тем временем жила в ритме первых пятилеток, словно и не подозревая, что происходит в застенках Лубянки, в десятках концлагерей, разбросанных по огромной стране. Романтика великих строек, трудовой энтузиазм, сталинские соколы... Днепрогэс, Комсомольск-на-Амуре, Норильск, и, конечно, первая линия московского метро, которую строили комсомольцы-добровольцы. «Влюбленные будущих поколений, как просто вам будет в Сокольники ездить...», писал поэт Евгений Долматовский. Ездить действительно стало просто, а вот строить ту самую первую линию, объявленную Всесоюзной ударной стройкой, когда и в помине не было сегодняшней техники, и землю из туннелей приходилось выгребать буквально руками, толкая тяжелые тачки с породой по подземным штрекам, невероятно тяжело. Духота, плывуны, обвалы... Через все это пришлось пройти и мне, вместе с такими же студентами нашего техникума, направленными в помощь первым метростроевцам, прокладывавшим ту самую первую подземную линию от «Сокольников» к «Парку культуры». Работали после

.....

учебы на откатке грунта, уставшие, не всегда сытые, но тогда нам казалось, что мы строим саму историю нового времени. И в известной степени так и было.

Метро нужно было стремительно разрастающейся Москве, как воздух. Транспортная система, несмотря на увеличение количества трамваев и автобусов, уже не справлялась с объемами перевозок, город буквально задыхался. И в июле 1931-го Пленум ЦК партии принимает решение «немедленно приступить к подготовительной работе по сооружению метро в Москве как главного средства, разрешающего проблему быстрых и дешевых людских перевозок». Но директива директивой, а реальные условия оставляли желать лучшего. Нигде в мире проектировщикам метро не приходилось иметь дело с таким разнообразием неблагоприятных для строительства грунтов. Только на одном участке «Сокольники» – «Охотный ряд» предстояло пересечь четыре водных потока. Но это были естественные трудности, проблемы были и с технической оснащённостью метростроевцев – не хватало отбойных молотков, а основными орудиями были кайло, лом да лопата. Первая линия метрополитена

«Сокольники» – «Парк Культуры» с ответвлением от станции «Охотный ряд» до станции «Смоленская» протяжённостью 11,2 км, имевшая 13 станций, оказалась крепким орешком – пройти этот участок пришлось четырьмя способами: горным, щитовым, траншейным и открытым. На эту ударную стройку людей собирали со всех концов Союза, в основном молодежь, и работа, тяжелейшая, иногда просто непосильная, шла сутки напролет. Но шла при этом с энтузиазмом, подогреваемым вниманием к этой стройке не только руководства, но и населения всей страны. Не раз приходилось видеть в подземных туннелях Лазаря Кагановича, которому ЦК поручило руководить всем метропроектом. Столь пристальное внимание было понятно – ведь это было самое первое метро в Стране Советов. И стройка была завершена в рекордно короткие по тем временам сроки – менее чем за три года. Наконец, наступил торжественный и долгожданный момент – 15 мая 1935 года, в 7 утра, открыли двери для пассажиров все 13 станций первой линии московского метрополитена, который до сих пор считается одним из лучших в мире. Это был праздник для каждого, кто принял участие в

.....

этой исторической стройке, в том числе, конечно, и для меня. Когда мы с друзьями по техникуму в тот день «опробовали» подземный путь, то каждый про себя думал с гордостью : «Это мы сделали!»

VI. С «красным» дипломом

Примерно такое же чувство было у меня, когда спустя четыре года, после того, как Георгий Озолин открыл мне двери техникума, я покинул его с «красным» дипломом техника-механика. Впереди была вся жизнь, полная надежд и неизвестности. Впрочем, первую станцию назначения я уже знал – мельница в городе Тетюш в Татарии, куда меня направили работать главным инженером. Эту ответственную должность мне, совсем молодому специалисту, поручили, думаю, не случайно. Дипломную работу – разработку проекта мельницы на станции Токаревка – я защитил на отлично, причем, так оценил ее один из авторитетнейших специалистов в нашем деле – профессор Алексей Иванович Кузьмин. Возможно, его рекомендация также сыграла свою роль в том, что на мельнице в татарском городе появился руководитель 20 с небольшим лет от роду. Но молодость, как известно, категория временная. Если на первых порах на меня и смотрели с некоторым недоверием – совсем, мол, мальчишка, то уже через несколько месяцев я доказал, что дело не в годах, а в знаниях

.....

и умении их применять на практике. Постепенно я набирался опыта, не пасовал перед самыми сложными проблемами, которые возникали на работе, научился не только руководить людьми старше меня, но и добился уважения, которое необходимо для того, чтобы тебе доверяли.

В общем, через пару лет я стал настоящим специалистом, с которым считались не только коллеги по работе, но и начальство. Мельница работала без перебоев, как часы, хлеб поступал без остановок в закрома родины, и мы не раз становились победителями соцсоревнования, которые тогда проводились по всей стране. Все было хорошо, кроме одного – очень я скучал по родителям, а они по мне. И когда появилась возможность поменять место работы на Борисоглебск, я с радостью согласился. Вопрос это решался в наркомате в Москве, где меня ценили, и когда в городе, откуда я когда-то уехал на учебу, понадобился специалист высокого класса, вспомнили обо мне. Причем в Борисоглебске, одном из важных центров Черноземья, объект, куда меня направляли, был несравнимо больше и мощнее, чем в Татарии. Так я стал главным инженером крупного мелькомбината в городе, где жили в то

.....

время мои близкие – родители и три сестры – Ева, Вера и Соня. Наверное, я неплохо проявил себя и здесь, если через несколько лет ситуация почти в точности повторилась – по комсомольской путевке (была такая форма в наше время) меня направили на учебу, только на сей раз не в техникум, а в институт политпросвета им. Н. К. Крупской, в Ленинград. Эта путевка открыла, как потом оказалась, и самую счастливую главу моей жизни. Личной жизни.

VII. Любовь и война

Экзамены, зачеты, задушевные вечерние посиделки в общежитии, незабываемые ленинградские белые ночи... Три года учебы пролетели, как один миг. Осталось совсем немножко, совсем чуть-чуть до окончания института, когда судьба поставила еще одну галочку в моей трудовой биографии. Однажды я случайно столкнулся с бывшим своим однокурсником по техникуму, ставшим к тому времени крупным партийным руководителем в городе на Неве. Посидели, поговорили, что называется, за жизнь, я случайно обмолвился, что жду – не дождусь, когда закончу институт и начну зарабатывать, чтобы немного помочь родителям, да и самому непросто было перебиваться на студенческую стипендию. «Позвони мне через пару дней, – сказал мой знакомый. – Что-нибудь придумаем». И дал свой телефон. Когда я позвонил, он меня буквально ошаршил: «Есть место механика на мельнице имени Ленина. Отзывы о тебе очень хорошие, сам понимаешь, место это не простое, с улицы людей не берут. Так что решай. А доучиться ты сможешь и на вечернем – вытянешь, я тебя знаю».

.....

И я решился – перевестись на вечерний факультет было делом не сложным, учился я хорошо... В общем, начинался новый этап трудовой жизни, причем на предприятии, считавшемся одним из ведущих в нашей отрасли – оно снабжало мукой и зерновыми продуктами весь Ленинград. По сути, было «кормильцем» огромного города. Здесь я и встретил войну. Но до этого произошла одна встреча, которая изменила мою жизнь на долгие 40 лет. Счастливых лет.

Учиться и работать было нелегко, но к трудностям я давно привык, а заработок давал ощущение некой свободы, даже уверенности, к тому же можно было помогать родителям, которые должны были поднимать троих дочерей, и трудились за швейными машинками, продолжая семейную традицию, не разгибая спины. Но вот, наконец, настал день расставания с институтом – чудесный теплый майский день 1941 года. В воздухе, напоенном ароматом сирени, не было и намека на пороховую гарь, которая скоро закроет ленинградское небо. Этот день был праздником, когда нам на торжественном вечере выдавали дипломы о высшем образовании. Происходило все в актовом зале института на

.....

втором этаже старого красивого здания на берегу Невы, напротив памятника А. В. Суворову. По традиции, на выпускной бал пригласили студентов медицинского института. Среди них я сразу заметил очаровательную кареглазую девушку с удивительно привлекательной улыбкой. В сердце что-то екнуло, и, как оказалось, не случайно. Не успели объявить первый вальс, как я ринулся через весь зал к незнакомке. Казалось, она ждала именно меня. Мы кружились в нежном вальсе и еще не знали, что это наша судьба. Звали девушку – Аня Эпштейн. Через несколько месяцев она изменит свою фамилию на другую – мою. А в тот вечер мы не расставались друг с другом ни на минуту.

Анечке тогда было 20 лет, мне – 27, она заканчивала терапевтический факультет медицинского института им. Мечникова и мечтала стать детским врачом. Я же мечтал стать со временем главным инженером мельницы, которая стала для меня почти родным домом. О МНОГОМ мы мечтали, гуляя в те волшебные белые ночи по Ленинграду... Но все эти мечты и надежды через месяц оборвала война, которая, быть может, страшнее всех оказалась для ленинградцев, выстоявших

.....

900 чудовищно длинных дней и ночей блокады, не сломленных ни голодом, ни холодом.

Первой мыслью, как только услышал выступление В.М. Молотова о нападении фашистской Германии на нашу страну, было немедленно бежать в военкомат и проситься на фронт. Когда я на следующий день сказал директору мельницы, старому партийцу, что хочу записаться в добровольцы, он внимательно посмотрел на меня и сказал: «Я тебя понимаю, я тебя очень хорошо понимаю. Но только ты подумай, Веня, вот о чем – солдат, которых можно научить держать ружье, найти не так сложно, куда труднее найти специалистов такого уровня как ты, которые в это трудное время смогут обеспечивать хлебом не только город, но и армию. А голодная армия – сам понимаешь... Поэтому наша с тобой линия фронта – здесь, и линия обороны – тоже здесь. И заниматься этим важным делом сегодня, когда уже идет война, кроме нас, больше никому. Подумай, и не пори горячку». Он оказался прав, потому что вскоре нам дали броню, объяснив, что мы находимся на очень важном и ответственном участке, который не имеем права бросать. А войны хватит на всех. И это, увы,

.....

.....

вскоре тоже оказалось правдой. Первые налеты фашистских самолетов на Ленинград вынудили принять немедленные меры защиты. Первым делом я построил на мельнице бомбоубежище под железобетонными силосами элеватора, рассчитанное на несколько сот человек. Специальная комиссия приняла его почти без замечаний. Так в городе появилось еще одно надежное убежище для жителей на случай бомбардировок. Так начиналась для меня война – реальная, грозная, беспощадная. Но по-настоящему я осознал роль предприятия, где работал, после того, как немцы перерезали железную дорогу, по которой поступали в город грузы, в том числе зерно. Ленинград был фактически блокирован уже в начале сентября. И тогда, чтобы как-то растянуть подольше имевшиеся запасы муки, мы организовали доставку с фуражных складов кормов для скота – жмыха, целлюлозы, которые с помощью специальных дробилок измельчали, а затем просеивали. Технологию пришлось изобретать на ходу, поскольку раньше к этому прибегать не было необходимости. Полученную массу мы смешивали с настоящей мукой и отправляли на хлебозаводы города. А в октябре уже была

.....

введена карточная система – работающие получали 250 граммов хлеба в день, иждивенцы – 125. Правда, хлебом это можно было назвать с большой натяжкой, поскольку в нем было до 50% добавок, о которых я говорил, но, тем не менее, эта пайка, которая буквально рассыпалась в руках, многих ленинградцев во время блокады спасла от голодной смерти. Вскоре после того выпускного бала я проводил Анечку, чувств к которой уже не скрывал, на каникулы к родителям, жившим в Бобруйске. Мы переписывались, пока война не нарушила нормальную почтовую связь. Я знал, что Бобруйск взят фашистами, и безумно страдал, не ведая, что с моей любимой, жива ли она... Вести из оккупированных районов доходили самые ужасные, особенно дополненные рассказами беженцев. Это страшное неведение продолжалось до начала сентября, когда произошло событие, ставшее для меня настоящим чудом. В один из дней на мельнице появилось измученное существо, покрытое угольной пылью. Мне даже не сразу удалось узнать в нем мою Аню. Но это была она, сумевшая с родителями бежать из объятых пламенем Бобруйска перед самым приходом немцев (их, евреев, ко-

.....

нечно же, фашисты не пощадили бы) и, бросив все вещи, добраться до Новосибирска. Оставив там родителей, Аня на товарном поезде, груженном углем, добралась каким-то чудом из Сибири в страшную военную пору, когда все висело на волоске, до Ленинграда, кольцо вокруг которого еще не сомкнулось, и она успела проскочить в остававшуюся брешь. Она приехала ко мне. С той минуты мы не расставались целых 40 лет.

А тогда, первое, что я сделал – отправил еле стоявшую на ногах Анечку в баню. Я понимал, что прежде всего ей надо прийти в себя, смыть не только угольную пыль, но, главное, снять напряжение последних дней. И баня была здесь лучшим средством. Когда она вышла – чистенькая, порозовевшая, с огромными запавшими глазами, худенькая, как тростиночка, – я почему-то вспомнил тот, казалось бы, такой теперь далекий майский день, теперь уже из другой, довоенной жизни, когда мы кружились в вальсе в праздничном зале, в открытые окна которого вливался тонкий и пьянящий аромат только что распустившейся сирени.

Аня жила в своем общежитии при медицинском институте, мы встречались почти каждый день,

.....

если у меня была такая возможность. Анечка, которая еще не успела окончить институт, получила справку, что ей разрешается работать врачом в военное время, и устроилась в детскую поликлинику на улице Пестеля. Трагическая ирония судьбы – она мечтала лечить малышей, и война помогла ей это осуществить раньше, чем это случилось бы в мирной жизни. Жить врозь у нас уже не было сил, и в один прекрасный день мы пошли в загс на Невском проспекте. Там поначалу удивились нашему решению – мол, не время жениться, когда идет война, даже пытались уговорить повременить до ее окончания, и пока не связывать браком свои судьбы, ведь на войне, бывает, и убивают... Но у нас был самый убедительный ответ: мы любим друг друга, и это чувство поможет нам легче перенести все невзгоды. Что нам могли на это возразить? Свадьба была скромная, в столовой на Невском, но для того времени и это было прекрасно. А моя двоюродная сестра Леля умудрилась даже приготовить для свадебного стола еврейские блюда, что для той голодной поры было настоящим подвигом. Так, в начале одной из самых трагичных страниц истории войны, начиналась наша долгая история

любви, венцом которой стали три прекрасных сына, которыми я горжусь – Лева, Виктор и Женя. Эта история могла закончиться очень быстро, потому что сразу после свадьбы началась Ленинградская блокада. Но мы с Анечкой выжили в те страшные для ленинградцев 900 дней.

VIII. Ленинградская блокада

Сегодня это уже далекая история, для многих сегодняшних молодых людей – вообще неизвестная, а у нас, переживших ту невиданную трагедию (да и сколько «блокадников» дотянули, как я, до нынешнего дня?), она навсегда оставила незаживающие шрамы в душе и памяти. Поэтому я постоянно возвращаюсь к тем дням, пытаюсь восстановить в памяти некоторые события, уже подернутые дымкой времени. Все началось с наступления немцев и выхода их 8 сентября 1941 года к Ладожскому озеру. Гитлеровцы захватили Шлиссельбург и блокировал Ленинград с суши. Этот день и считается днем начала блокады. Тогда были разорваны все железнодорожные и автомобильные коммуникации, сообщение с городом поддерживалось только по воздуху и Ладожскому озеру. Как утверждали потом некоторые военные, сталкивавшиеся тогда со Сталиным, воспоминания которых я читал, в этот критический период он не был уверен в том, что город удастся отстоять. По словам самого маршала Г. К. Жукова, «положение, сложившееся под Ленинградом, Сталин в тот момент

.....

оценивал как катастрофическое. Однажды он даже употребил слово «безнадежное». Он говорил, что, видимо, пройдёт ещё несколько дней, и Ленинград придется считать потерянным». Но мы, конечно, ничего не знали о колебаниях вождя в Кремле и активно готовились к обороне, ни минуты не сомневаясь, что отстоим наш любимый город. Никто тогда не мог и представить, что придется пережить каждому ленинградцу. Я уже говорил, что по моему проекту и под моим руководством на мельнице было построено обширное бомбоубежище, а сам элеватор превращен в настоящую крепость. И сделано это было своевременно – уже 4 сентября немцы начали регулярный артиллерийский обстрел Ленинграда, а 9-17 сентября предприняли штурм города, к которому вскоре подошли на расстояние 10 км.

Несмотря на бомбежки, а фашистские самолеты проносились и над нами, мельница работала круглосуточно, обеспечивая хлебом не только ленинградцев и жителей ближайших, еще не занятых фашистами, населенных пунктов, но и воинские подразделения Северо-Западного фронта. Но это продолжалось до тех пор, пока работала железная дорога, по которой поступа-

.....

ли вагоны с зерном. Вскоре и этот путь был перекрыт. В Ленинграде складывалась смертельная, критическая ситуация. Местное руководство уже подготовило к взрыву основные заводы, все корабли Балтийского флота должны были быть затоплены. Ни руководство города, во главе со А. А. Ждановым, ни возглавлявший в то время оборону Ленинграда маршал К. Е. Ворошилов, не знали, что делать, и находились в полной растерянности. В этот момент Сталин меняет Ворошилова на Жукова. И будущему маршалу удается остановить вражеское наступление, правда, с помощью самых жестких мер, перед которыми он никогда не останавливался. Он, в частности, издал приказ о том, что за самовольное отступление и оставление рубежа обороны вокруг города все командиры и солдаты подлежат немедленному расстрелу. Отступление прекратилось. Солдаты, оборонявшие Ленинград в эти дни, стояли насмерть. Несмотря на все усилия, немцы так и не смогли захватить стратегически важные Пулковские высоты. В конце концов, враг был остановлен в 4-7 км от города, фактически, в пригородах. В некоторых местах линия фронта, то есть окопы, где сидели солдаты, проходила всего в

.....

4 км от Кировского завода и в 16 км от Зимнего дворца. И вот характерный пример стойкости ленинградцев – несмотря на близость фронта, Кировский завод не прекращал работу на протяжении всего периода блокады. От завода к линии фронта даже ходил трамвай. Это была обычная трамвайная линия из городского центра в пригород, только теперь она использовалась для перевозки солдат и боеприпасов.

Мужество ленинградцев предотвратило осуществление варварского плана Гитлера – намерения стереть город с лица Земли. По этому плану предполагалось окружить город тесным кольцом и путём обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сравнять его с землей. При этом, как говорилось в директиве Гитлера, если бы даже, вследствие создавшегося в городе критического положения, немецкое командование получило предложение о сдаче города, оно бы не было принято во внимание и отвергнуто, так как «проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться, – говорилось в этой директиве. – В этой войне, ведущейся за право на

.....

существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения».

Но город и не думал сдаваться, несмотря ни на блокаду, ни на массированные артиллерийские обстрелы и бомбардировки. Немцы сбросили на Ленинград несколько тысяч зажигательных бомб с целью вызвать массовые пожары. Особое внимание уделялось ими уничтожению складов с продовольствием. Фашистам, в частности, удалось разбомбить знаменитые Бадаевские склады, где находились весьма значительные запасы продовольствия. Склады горели в течение нескольких дней, и зловещие отсветы этого пламени были видны со всех концов города. После этого городские власти стали маскировать продовольственные запасы, которых оставалось критически мало, и которые теперь хранились только небольшими партиями. На 12 сентября, согласно данным отдела торговли Ленгорсовета, в городе запасов продовольствия оставалось:

- хлебного зерна и мука – на 35 суток;
- крупы и макарон – на 30 суток;
- мяса и мясопродуктов – на 33 суток;
- жиров – на 45 суток;
- сахара и кондитерских изделий – на 60 суток.

Было очевидно, что ввиду блокады, этих запасов хватит ненадолго и придется вводить жесткие лимиты на отпуск основных продуктов питания. И вскоре такие лимиты были введены. Вот, только нормы отпуска хлеба:

рабочим – 250 г в сутки;

служащим, иждивенцам и детям до 12 лет – по 125 г;

личному составу военизированной охраны, пожарных команд, истребительных отрядов, ремесленных училищ и школ ФЗО, находившимся на котловом довольствии – 300 г; войскам первой линии – 500 г.

При этом до 50% в хлебе, как я уже отмечал, составляли примеси, и он был почти несъедобным. Все остальные продукты почти перестали выдаваться. И уже в ноябре в Ленинграде начался настоящий голод. Были отмечены первые случаи потери сознания от голода на улицах и на работе, а также первые случаи смерти от истощения. Запасы довольствия пополнять было крайне сложно – по воздуху обеспечить полноценное снабжение такого большого города было невозможно, а судоходство по Ладожскому озеру временно прекратилось из-за наступления хо-

.....

лодов. В то же время лед на озере был еще очень слабым, чтобы по нему могли проехать машины. Кроме того, все эти транспортные коммуникации находились под постоянным огнём противника. Мизерный кусочек хлеба стал с этого времени основным средством поддержания жизни. Из этого кусочка хлеба ленинградцы делали несколько сухариков, которые распределяли на весь день. Один-два таких сухарика да кружка горячей воды – вот из чего в основном состояли в дни голодной зимы завтрак, обед и ужин населения осажденного города. Другие продукты, которые полагались по карточкам, население получало нерегулярно и не полностью, а иногда и вовсе не получало из-за их отсутствия в городе.

А с наступлением зимы пришла еще одна беда – холод. В городе практически закончились запасы топлива: выработка электроэнергии составляла всего 15% от довоенного уровня. Прекратилось централизованное отопление домов, замёрзли или были отключены водопровод и канализация. Остановилась работа практически на всех фабриках и заводах (кроме оборонных). Часто, пришедшие на рабочее место горожане не могли выполнить свою работу из-за отсутствия

.....

.....

подачи воды, тепла и энергии. Главным отопительным средством стали особые мини-печки. Они стояли в большинстве квартир. В них жгли всё, что могло гореть, в том числе и мебель.

Такая же печка-буржуйка стояла в комнате и у нас с Анечкой. И также как для всех ленинградцев, важнейшей задачей выживания было для нас добыть хоть какое-нибудь топливо – на улице в ту зиму стояли жестокие морозы за 30 градусов. К тому времени мы переехали из служебного жилья на мельнице, которая беспрерывно подвергалась бомбардировкам, но, тем не менее, продолжала работать, в квартиру нашего друга Абрама Неймарка на 2-й Красноармейской улице. Жили мы на четвертом этаже, не было ни света, ни канализации, ни воды. За водой мне приходилось, как и многим, ходить на Фонтанку с ведром. Из-за нехватки электроэнергии и массовых разрушений контактной сети прекратилось движение городского электротранспорта, в первую очередь трамваев и троллейбусов.

Стремительно росло число жертв голода и холода – каждый день умирали более 4000 человек. Столько людей умирали в городе в мирное время в течение 40 дней. Были дни, когда

.....

умирало по 6-7 тысяч человек. В большинстве случаев семьи вымирали не сразу, а по одному, постепенно. Пока кто-то мог ходить, он приносил продукты по карточкам. Улицы были занесены снегом, который не убирался всю зиму, передвигаться было трудно, истощенные люди двигались медленно, еле-еле, казалось, что улицы полны призраков. Вскоре умер Абрам Неймарк. Умер от голода. Я завернул его почти невесомое тело в одеяло, спустился с ним вниз, нашел салазки и отвез своего друга к церкви, где скопилось уже много тел умерших. Отсюда специальные команды на грузовиках отвозили их на кладбище и хоронили в общих могилах.

Ленинградцы умирали, но не сдавались. И каждый день множил трагедию великого города. Но даже в этой, невероятно трудной обстановке осени 1941 года, ленинградцы продолжали снабжать фронт вооружением, боеприпасами, снаряжением и обмундированием. Они работали и продолжали помогать фронту под постоянными артиллерийскими обстрелами и бомбардировками, хотя рабочие и инженеры буквально шатались от истощения и усталости, иногда сутками не выходя из цехов, чтобы вы-

.....

полнить оборонные задания. Трудно сегодня поверить, что в голодном и холодном городе, осажденном фашистами, во втором полугодии 1941 года было выпущено 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, свыше 3 тыс. полковых и противотанковых пушек, около 10 тыс. минометов, свыше 3 млн снарядов и мин, более 80 тыс. реактивных снарядов и авиабомб. И это только часть того, что сделали в то время ленинградцы для фронта.

И самым, быть может, поразительным проявлением этой высочайшей силы духа и несгибаемости, стал один из последних дней октября, когда моя Анечка, осунувшаяся любимая Анечка, продолжавшая лечить малышей, встретила меня после двухсуточной бессонной работы на мельнице радостным возгласом: «Веня, они пошли в школу!» Я сначала даже не понял в чем дело – оказалось, что несмотря на блокаду и бомбёжки, в городе начался учебный год, начался необычно – занятия проводили в бомбоубежищах и достаточно защищенных помещениях, но 60 тысяч ленинградских школьников 1-5 классов снова сели в тот день за парты, а через несколько дней к ним присоединились еще 30 тысяч ребят старших классов. Про-

должили занятия и студенты 40 вузов города. Ленинград продолжал жить и не думал сдаваться.

Это им, своим дорогим мужественным землякам посвятила пронзительные строчки поэтесса Ольга Берггольц, чей голос по радио так часто поддерживал нас в дни блокады:

О древнее орудие земное,
Лопата, вернем сестра земли,
Какой мы путь немислимый с тобою
От баррикад до кладбища прошли!

Мне и самой порою не понять
Всего, что выдержали мы с тобою.
Пройдя сквозь пытки страха и огня,
Мы выдержали испытанье боем.

И каждый, защищавший Ленинград,
Вложивший руку в пламенные раны,
Не просто горожанин, а солдат,
По мужеству подобный ветерану.

Эти очень точные строки до сих будят воспоминания о тех днях, когда в блокадном заиндевевшем городе, где не успевали хоронить погиб-

.....

.....

ших, каждый, кто в состоянии был держаться на ногах, старался в меру своих сил помочь фронту, совершая свой, по своему ратный, подвиг. Работали, сколько могли, даже матери, имевшие маленьких детей – на лесоповале, железной дороге... Каждая пара рабочих рук была нужна городу, как воздух. Потому что речь шла о жизни и смерти. Это понимали все, поэтому многие женщины, прежде всего те у которых не было детей, работали по 14 часов в сутки в неимоверно тяжелых условиях на строительстве тридцатикилометровой железной дороги, которая прокладывалась вдоль Ладожского озера и потому имела жизненно важное значение для остающегося в плотном вражеском кольце города. Ведь единственной транспортной связью с Большой землей была только так называемая «дорога жизни», проложенная по льду этого озера, по которой машины с продовольствием и медикаментами шли в осажденный город почти круглосуточно – днем и ночью, несмотря на бомбардировки, забирая в обратный путь детей, раненых и больных. Не всем, увы, удалось добраться до города, но, главное, ленинградцы чувствовали и знали – они не одиноки, о них не забыли, их не бросили в беде.

.....

Хотя для отчаяния у них были причины – в течение 1942 года предпринималось пять попыток прорыва блокады, но все они оказались неудачными. Крушение надежды на скорое избавление от мук блокады стало тяжелейшим психологическим стрессом для жителей осаждённого города. Сознание того, что голод может продлиться ещё несколько месяцев, казалось невыносимым. Ведь каждый день приносил новые сотни смертей, каждый день надо было смотреть в глаза тающих стариков и детей, не имея возможности чем-то им помочь.

Призрак голодной смерти иногда толкал людей на самые неожиданные и жестокие поступки, были даже случаи людоедства. Свидетелем одного такого, и увы не столь уж редкого случая, довелось стать и мне. Произошло это ранним утром в булочной, на углу Московского проспекта и Обводного канала. Когда продавщица положила на весы очередные 125 граммов хлеба для какой-то старушки, уже протянувшей к серовато-бурой краюхе дрожащие пальцы, из очереди выскочил молодой парень и, схватив этот кусок хлеба, стал жадно его есть. Возмущенная толпа сбила парня с ног и начала избивать.

.....

Но тот, несмотря на явную боль, продолжал засовывать хлеб в рот, стараясь быстрее его проглотить. Парня могли убить такие же голодные люди, знающие, что значит этот кусок хлеба, если бы тот не вырвался и не убежал, оставив гневную толпу и плачущую старушку, потрясенную этой кражей. Ведь продовольственный талон, по которому она должна была получить этот кусочек хлеба, никто ей не мог вернуть – потерянные или украденные карточки не восстанавливали. А за одну буханку ржаного хлеба люди отдавали золотые обручальные кольца и другие ценности, чем пользовались спекулянты, имевшие доступ к продовольственным запасам города. Конечно, немало было и случаев мародерства, негодяи обчищали квартиры умерших ленинградцев, крали продукты из разбомблённых продовольственных складов, магазинов, обрекая тем самым на голодную смерть тысячи людей. Но действовали и суровые законы военного времени, беспощадно каравшие тех, кто пытался поживиться на народном горе. Правда, как мы знаем, не всех настигло заслуженное возмездие. Сегодня, оглядываясь из благополучной Америки на то время, когда мне и моей Ане, как и всей нашей семье,

.....

пришлось испить горькую чашу военного лихолетья, мне почему-то не хочется вспоминать о человеческих тварях, которые тогда жили среди нас. В памяти все чаще возникают отдельные картины блокадных дней, которые складываются в некую мозаику...

...Сентябрь 41-го. Стая фашистских «Юнкерсов» летит в сторону Московского района, где находятся знаменитые Бадаевские продовольственные склады. И никто им не препятствует. Немецкие асы хозяйничают в нашем небе, как хотят. А где же наши «ста-линские соколы», которые должны отогнать стервятников со свастикой от крупнейших ленинградских складов, на которых хранится многомесячный запас продуктов? Их не видно. И вскоре, после глухих разрывов бомб, я вижу поднимающееся зарево над складами и огромный столб дыма. От складов осталось одно воспоминание. «Любимый город может спать спокойно»? Почему-то тогда в голове зло вертелась мелодия этой песни. А вдобавок ко всему оказалось, что на Бадаевских складах были неисправны средства пожаротушения, пожарные шланги прогнили, и почему-то не было воды. Словно кто-то специально

.....

оставил склады беззащитными. Горели они два дня, оставляя удушливый запах горелого масла и жженого сахара.

...Октябрь 41-го. В большинстве домов вышли из строя водопровод и канализация. Главная водопроводная станция не получила электроэнергии, что грозит оставить предприятия без воды. На помощь приходят военные моряки, в труднейших условиях смонтировавшие 4 дизеля аварийной станции.

...Начало ноября 41-го. В больницах города появляются первые больные с диагнозом «алиментарная дистрофия», то есть голодное истощение. К концу месяца от голода умирает свыше 11 тыс. человек. (В декабре умерло почти 53 тыс. жителей.) Болезнь не обошла стороной и меня – распухли ноги и руки, таяли силы. Когда меня привезли в здравпункт мельницы, то, как потом рассказывала Анечка, сама тогда еле державшаяся на ногах, врач был в большом сомнении, смогу ли я выкарабкаться. Выкарабкался. А помог мне самый обыкновенный неочищенный рис, точнее коллеги по работе, приславшие пару килограммов риса, извлеченных из разрушенного бомбой портового элеватора. Аня его просеяла

.....

и варила из него суп, который и позволил мне встать на ноги.

...Конец ноября 41-го. По заваленным сугробами улицам, под гул артиллерийских обстрелов и завывание сирен, тянутся многочисленные похоронные процессии. Гробов не хватает, умерших завертывают в простыни и на детских саночках везут на кладбище. Смертность приобрела настолько массовый характер, что мертвых не успевают хоронить. В домах и на улицах лежат тысячи незахороненных трупов. Бойцы МПВО собирают трупы на улицах, а позднее вместе с дружинницами Красного Креста с этой целью обходят квартиры.

За годы блокады погибло, по разным данным, от 400 тыс. до 1 млн. человек. На Нюрнбергском процессе фигурировала цифра в 632 тысячи человек. Только 3% из них погибли от бомбёжек и артобстрелов, остальные 97% умерли от голода.

...Ноябрь 41-го. Улицы перерыты траншеями, где можно спрятаться при артиллерийских обстрелах. В большинстве подвалов устроены бомбоубежища. Круглосуточно работает радиотрансляция и метроном, как на улицах, так и в

.....

квартирах. По радио сообщается о «воздушной тревоге», особенно в ночное время суток. Не все люди, ушедшие на работу или в магазин, возвращаются обратно.

...Декабрь 41-го. Во время ночного дежурства «засекаю», как из одного дома с противоположного берега запускаются ракеты в сторону железнодорожного моста и нашей мельницы. Так окопавшиеся в городе предатели или фашистские лазутчики указывали немцам цели бомбардировок. Немедленно сообщаю координаты ракетчиков в оперативный штаб города. К месту запуска ракет выезжает спецгруппа и ликвидирует наводчика.

...Декабрь 41-го. Остановлен городской транспорт – катастрофически не хватает электроэнергии. Горожанам приходится на работу и с работы добираться пешком. Изнурительные переходы забирают последние силы. Придя домой с работы, люди не имеют возможности даже согреться, так как система центрального отопления из-за отсутствия топлива оказалась замороженной.

...Январь 42-го. Меня назначают «ночным директором» мельницы. Организую дежурства

.....

на крыше нашего здания. Чуть ли не каждую ночь гасим зажигательные бомбы – хватаем раскаленный металл клещами и бросаем «зажигалки» в бочки с песком. Они шипят, нередко обжигая руки и лицо огненными искрами. Опасно, но зато спасаем мельницу и элеватор от пожара. О себе думаем в последнюю очередь.

...Январь 42-го. Этот день я особенно хорошо запомнил. Ночью во двор мельницы прибыли два грузовика с усиленной охраной. Директор сказал мне по секрету, что в сгружаемых ящиках – динамит, бикфордовы шнуры и другие приспособления для взрыва. Я, кажется, побледнел. «Это приказ Смольного, – пояснил директор. – Основные предприятия города должны быть взорваны, чтобы не достались врагу». Я понял, что руководство города готово сдать его на милость победителя. Про себя подумал: «Это предательство», но благоразумно промолчал. На следующий день мы наметили места для установки взрывных устройств. Но мельница, как и другие ленинградские предприятия, остались целы. Вскоре в Ленинград приехал Жуков и стал готовить войска к контрнаступлению, а город – к серьезной обороне. Когда угроза захвата Ленин-

.....

града немцами ослабла, мельницу разминировали, а взрывчатку увезли, кажется, на тех же самых грузовиках. Мы вздохнули с облегчением. Мы верили в свой город и ленинградцев, а вот товарищ Жданов и другие местные партийные товарищи, видимо, нет.

Зима 1942-го выдалась для нашей маленькой семьи особенно тяжелой. Я до сих пор не понимаю, как мы сумели выжить в тех условиях, особенно Аня, сталкивавшаяся как врач каждый день с человеческими бедами, особенно тяжелыми в голодном блокадном городе. Почти ежедневно она со слезами на глазах рассказывала мне о какой-нибудь истории своего пациента. Она буквально рвала нервы, переживая за каждого из них, особенно за детей. Но весь трагизм состоял в том, что эти истории были лишь отражением общей беды.

Не обошли тяжелые испытания и нас. Сначала на больничную койку попал я. Случилось это после того, как возвращаясь однажды с работы домой, я провалился в плохо закрытый канализационный люк. Звать на помощь вечером в обезлюдевшем темном городе было бесполезно. И, наверное, понимание того, что я могу рассчи-

.....

тивать только на себя, спасло мне жизнь. С невероятным трудом, весь в ушибах, я как-то умудрился выбраться из люка и доковылять до дома. А дома меня ждала не только любящая жена, но и хороший врач. Однако на следующий день пришлось добираться до больницы – опухло все тело, ноги, руки, давало знать и постоянное недоедание. В общем, с трудом, но дней через пять я немного пришел в себя, хотя, как призналась потом моя жена, был на волоске...

А вскоре слегла с тяжелейшим воспалением почек Аня. Нужные ей лекарства и еду достать тогда в городе было почти невозможно. И все-таки мне удалось купить ей на «черном рынке» немного необходимых ей продуктов, отдав за них несколько ценных вещей, которые у меня сохранились с довоенного времени. Наверное, Бог был тогда с нами, потому что Анечка постепенно пришла в себя, и мы смогли вместе со всеми оставшимися в живых ленинградцами радоваться первому прорыву блокады. Это произошло в январе 1943-го, когда советские войска отбросили гитлеровцев на 12 километров от Ладожского озера на одном участке фронта. На освобожденной территории были сразу же сооружены же-

лезная и шоссейная дороги. К этому моменту в городе оставалось не более 800 тыс. жителей из трех довоенных миллионов. До полного снятия 900-дневной блокады, когда немцы были отброшены Красной Армией на расстояние 60-100 километров от Ленинграда, оставался еще год. Но мы с Анечкой этого там не дождались и победный салют по этому поводу над Невой видели только в кинохронике – судьба указала нам новый маршрут. И в самом начале он пролегал по той самой «дороге жизни», которую проложили по льду Ладожского озера.

IX. Мы едем на восток

Война была еще в самом разгаре, хотя уже наметился перелом в этой смертельной схватке – немцев разгромили под Москвой, в Сталинграде, но гитлеровцы еще оккупировали важнейшие стратегические районы страны, в том числе и главные житницы. Но кроме острой проблемы с продовольствием, была и другая – катастрофически не хватало специалистов в мукомольной промышленности, а хлеб был нужен, как воздух, прежде всего армии. И в октябре 1943 года меня вызвали в наркомат в Москву для получения нового назначения. Приказ об этом был подписан заместителем наркома Г.Бобровым, а приказы, тем более в военное время, не обсуждаются. И мы с Анечкой начали срочно готовиться к отъезду. Вещей с собой много не брали, да и не могли – выбираться из города можно было пока только по одной дороге – через Ладожское озеро. И дорога была все еще не самая безопасная – время от времени немцы ее простреливали. Мы покидали город боли и скорби, где погиб во время блокады каждый третий ленинградец, город, с которым нас связала общая беда на долгие 600 дней и ночей, в течение которых мы

там жили и работали. Мы прощались с городом, похожим на солдата, который стоит насмерть, но не сдается. Мы плакали, но не стыдились слез, когда Ленинград уплывал от нас в морозном мареве. Мы знали, что обязательно вернемся сюда. И мы, действительно, спустя годы, вернулись.

Сегодня, спустя шесть с лишним десятилетий, я помню, кажется, каждый из этих 600 дней. «Никто не забыт, ничто не забыто...» И строки Ольги Берггольц, проникнутые гордостью за своих несломленных ленинградцев, и надеждой, что город снова засияет красками жизни:

...Наступит день, и, радуясь, спеша,
Еще печальных не убрав развалин,
Мы будем так наш город украшать,
Как люди никогда не украшали.
И вот тогда на самом стройном зданье
Лицом к восходу солнца самого
Поставим мраморное изваянье
Простого труженика ПВО.
Пускай стоит, всегда зарей объятый,
Так, как стоял, держа неравный бой:
С закинутою к небу головой,
С единственным оружием – лопатой.

Х. Вспоминая об американской тушенке

Добирались мы до Большой земли, как сейчас помню, на «студебекере», прекрасной по тому времени машине, поставленной американцами по ленд-лизу. Да разве только это – а танки, самолеты, другая необходимая советской армии техника! А та же американская тушенка, которая спасла тысячи и тысячи солдат... Ведь своего продовольствия просто не хватало. Вспоминая те дни, я невольно думаю о том, что и сейчас некоторые люди в России, как когда-то в годы «холодной войны», пытаются принизить значение американской, как, впрочем, и английской, помощи СССР в военные годы, сыгравшей огромную для него роль в битве с гитлеровской Германией. Да, советский народ понес огромные потери в войне, вынес на себе самое тяжелое ее бремя, но сколько тысяч жизней было спасено благодаря поставкам по ленд-лизу, которые поступали в самое тяжелое время, когда фашистские полчища подошли к Москве и Ленинграду и судьба страны висела на волоске! Забывать об этом – значит отворачиваться от исторической правды. А правда эта в реальных фактах и цифрах. Даже

.....

Сталин в послании президенту США Трумэну после войны признавал, что «соглашение, на основе которого США на протяжении всей войны в Европе поставляли СССР в порядке ленд-лиза стратегические материалы и продовольствие, сыграло важную роль и в значительной степени содействовало успешному завершению войны против общего врага – гитлеровской Германии». Это подтверждает и статистика.

Только с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г., согласно подписанному в Москве протоколу о поставках, США и Великобритания отправляли в Советский Союз ежемесячно 400 самолетов, 500 танков, 152 зенитных и 756 противотанковых орудий, 200 противотанковых ружей, 2 тыс. т алюминия, 1 тыс. т броневых листов для танков, 7 тыс. т свинца, 1,5 тыс. т олова, 300 т молибдена, 1250 т толуола и некоторые другие виды сырья, вооружения, военных материалов, а также продовольствие. Всего же СССР получил по ленд-лизу в 1941-1945 гг. грузов на сумму 11 млрд. долл. (доля США – 96,4%), в том числе 22 150 самолетов, 12 700 танков, 8000 зенитных и 5000 противотанковых орудий, 132 000 пулеметов, 376 000 грузовиков, 51 000 джи-

.....

пов, 8000 тягачей, 35 000 мотоциклов, 472 млн. штук снарядов, 4,5 млн. т. продовольствия, 2,1 млн. т. нефтепродуктов, 1,2 млн. т. химических и взрывчатых веществ, 11 000 вагонов, 2000 паровозов, 128 транспортных судов, 3 ледокола, 281 военный корабль. Понятно, что с такими объемами обеспечения армии, тем более в военное время, самостоятельно советская промышленность справиться не могла. Особенно учитывая, какие тяжелые потери, в том числе и в технике, понесла Красная Армия в начале Великой Отечественной войны. Между тем, значительную часть территории СССР оккупировал враг, народное хозяйство лишилось многих сотен предприятий. Поэтому доставленные через моря и океаны вооружения, сырье и материалы были жизненно необходимы. Ведь большую часть поставленных по ленд-лизу танков советское командование держало на самых важных фронтах, где они участвовали в решающих сражениях. К слову сказать, немалую роль в успехе Московской битвы сыграли ленд-лизские поставки. Они компенсировали здесь весь урон в танках и самолетах. При этом, наряду с самолетами, СССР получил сотни тонн авиационных запчастей, авиационные бое-

.....

припасы, горючее, специальное аэродромное оборудование и аппаратуру. А средства связи и радиооборудование? Ведь по оценке специалистов, в этой области СССР отставал от союзников почти на 10 лет. В 1942-1943 гг. поставки союзников позволили оснастить радиостанциями 150 дивизий, а полевыми телефонами – 329 дивизий. 400-ваттные радиостанции обеспечили надежной связью советские штабы фронтов, армий и аэродромов (отечественная промышленность стала выпускать их только в конце 1943 г.).

Наконец, поставки продовольствия, которые обеспечивали советскую армию высококалорийным питанием в течение всей войны, и оказавшиеся жизненно важными, особенно для Ленинграда и городов Крайнего Севера. К этому стоит добавить еще одну цифру -15 миллионов поставленной союзниками обуви, которую носили советские солдаты. Ведь в одних портянках не повоюешь.

Не умаляя великих жертв и героизма советского народа в годы войны, нельзя забывать и об этих исторических фактах.

XI. Из-под носа у немцев

Конечно, когда мы в тот морозный день ехали на «студебекере» по «дороге жизни», мы об этом, понятно, не думали, думали мы о том, куда нас снова забросит военная судьба... В наркомате я узнал, что меня направляют в распоряжение Омского треста «Главмуки» на должность главного инженера мелькомбината города Ишим. Однако к месту назначения в Сибирь нам с Аней пришлось добираться кружным путем – через Борисоглебск, где находились в то время мои родители и сестра Соня. Жили мы в Москве у наших друзей, когда в один из дней раздался телефонный звонок – звонил отец (как только мы добрались до столицы, сразу же сообщили ему свои координаты) и взволнованным голосом сказал, что они в панике – город непрерывно бомбят и вот-вот туда могут ворваться немцы, самим же им выбраться очень сложно. И тогда мы с Аней решили – родителям во что бы то ни стало надо помочь. Объяснив в наркомате ситуацию, я получил разрешение несколько изменить маршрут следования в Омск. Когда мы с огромными трудностями, на «перекладных», добрались до

.....

Борисоглебска, многие жители его уже покинули, другие спешно собирали вещи, готовясь бежать. Артиллерийская канонада не оставляла сомнений – счет идет буквально на часы. Но выбраться из города оказалось не так просто – железнодорожное сообщение было прервано, а до ближайшей узловой станции пешком с пожилыми, не очень здоровыми родителями, да с пожитками быстро не доберешься. И тогда мне в голову пришла почти безумная, но, как оказалось, спасительная мысль – я пошел на базар и купил лошадь с телегой. Люди, спешно покидавшие город, распродавали свое имущество буквально за бесценок, поэтому «транспортное» средство досталось мне очень недорого. Погрузив на телегу скарб, посадив туда родителей, мы отправились по запруженной дороге на узловую станцию Поворино. Как сейчас легко об этом писать – отправились! Шла война, гул которой буквально настигал нас, на восток бежали от наступающих немцев тысячи людей, те километры, которые надо было преодолеть до станции, были сплошным кошмаром. Но самое тяжелое испытание нас ожидало, когда мы прибыли на место – ни в один проходящий поезд невозможно было

.....

сесть. И снова спасло нестандартное решение – я заметил на одном из путей товарный поезд, на открытых платформах которого стояли подбитые на фронте танки и пушки, направлявшиеся в тыл, как видно, для ремонта или переплавки. Мне удалось найти коменданта поезда и, показав свои документы, подписанные заместителем наркома, уговорил его разрешить нам с этим составом доехать до Уфы – именно в том направлении, как я узнал, и шел эшелон. В Уфе же жила и работала моя сестра Вера, у которой решили остановиться родители, поскольку неизвестно было, как я устроюсь на новом месте. В общем, вместе с подбитыми танками мы с грехом пополам добрались, в конце концов, до Уфы, где попрощались с родителями, и поехали с Анечкой в город Ишим. Когда я первый раз пришел на новую работу, то сразу понял, почему меня из Ленинграда направили в столь отдаленный край – мельница практически не работала, не было ни необходимых рабочих рук, ни системы организации, которая бы позволяла перевести предприятие на круглосуточный режим работы. Но у меня уже был достаточный опыт в заблокированном Ленинграде, который очень пригодился и здесь. С мельницы я

не уходил буквально сутками, но уже через пару недель, процесс, как говорил Михаил Горбачев, пошел. Мука для фронта отгружалась безостановочно, благо, зерно завозилось на мельницу без перебоев. Через несколько месяцев после рождения нашего первенца Левушки, Анечка устроилась работать детским врачом. Левушка рос буквально на глазах, каждый день удивляя нас своими открытиями окружающего мира.

XII. Командировка за «трофеями»

Война катилась все дальше на Запад, и было уже очевидно, что победа не за горами. Люди, разбросанные войной по городам и весям огромной страны, постепенно возвращались в свои дома, пытались наладить мирную жизнь, а у нас с Аней появился очередной новый адрес – Башкирия, Стерлитамак. Именно сюда меня направили в середине 44-го налаживать работу местного мукомольного комбината. Сейчас эта должность называется, кажется, «кризис-менеджер», т.е. специалист, который «вытягивает» предприятие из трудного положения. Но в военное время в трудном положении находились все, работа же должна была идти, невзирая на обстоятельства. И пришлось снова засучивать рукава и сутками не появляться дома, пока мельница не заработала, как часы. Мне, главному инженеру, приходилось быть и за механика, и за наладчика – кто в то время с этим считался, когда пара рабочих рук ценилась на вес золота. Все – для фронта, все – для победы, а мы уж за ценой не постоим. Правда, недолго мне пришлось работать в этом башкирском городе – в конце 1944

.....

года мне пришлось надолго оставить Анну с двумя маленькими сыновьями в Стерлитамаке, где меня призвали в армию. Но прежде чем я оказался в 1-ой ударной армии, уже сражающейся на территории Германии, я некоторое время провел в Москве на курсах переподготовки. Только там я узнал, в каких операциях придется участвовать, – не боевых, но, как потом оказалось, весьма опасных и чрезвычайно важных для послевоенного восстановления разоренной страны – в Германию направлялись группы специалистов для демонтажа немецких заводов и оборудования и переправки всей этой трофейной техники в Советский Союз. В одну из таких групп после краткосрочного обучения был включен и я. По окончании курсов мне присвоили звание инженер-капитана и, как поется в песне, «дан приказ ему на запад...»

Мы ехали в Германию на мощных «студебекерах» целой колонной через Польшу, по следам только что отгремевших боев. Первый пункт – город Кюстрин. Здесь нам предстояло демонтировать завод радиоаппаратуры и отправить всю эту технику на Украину. Советские войска уже приближались к Берлину и, казалось, отсюда война

.....

откатилась далеко на запад. Но это было обманчивое впечатление. Даже в освобожденных районах опасность подстерегала на каждом шагу.

Однажды меня спасло только чудо – по какой-то причине я опоздал на несколько минут на работу. И в эти считанные минуты на том месте, где я должен был находиться, прогремел взрыв. Вместо меня пострадал, оказавшийся на этом месте, механик Костя Иванов, лишившийся ноги. Война напоминала о себе везде.

После этого случая мы стали перед началом работы тщательно проверять все объекты. Проверяли, понятно, саперы, поскольку таких «сюрпризов» в то время было немало. А на восток, в СССР, чуть ли не каждую неделю отправлялись тяжело груженные автопоезда с демонтированным оборудованием военных и станкостроительных заводов, предприятий стройиндустрии и легкой промышленности... Разрушенной и разоренной стране нужна была техника и материалы, чтобы залечить военные раны, нанесенные оккупантами. Они и должны были за это платить. Правда, вскоре в Берлине мы столкнулись с неожиданной проблемой – страны-победительницы договорились разделить город на секто-

ра, и как раз один из намеченных к демонтажу заводов находился в той части, которая должна была отойти к французам. Причем произойти это должно было уже через три дня. «Капитан, надо успеть все очистить до французов. Умри, а успеешь», – приказал мне начальник по тылу генерал Зернов. Помню, что это был машиностроительный завод с современными металлообрабатывающими станками. Сроки для такого объекта были немыслимые. Но приказы на войне не обсуждаются. И мы успели. Умирали от усталости, но успели. Французам станки не достались.

Недолгое время, проведенное в Берлине, запомнилось встречей с американцами, которые мне показались открытыми ребятами с явной торговой жилкой. У них можно было купить джинсы, часы, обувь... И наши солдаты, да и офицеры, охотно покупали, оплачивая заокеанский товар оккупационными марками, которые янки брали вместо долларов. А уж как они могли рекламировать свой товар – это надо было видеть. Здоровущий сержант стоял на ступеньках поверженного Рейхстага с нанизанными на руку часами, время от времени бросая то одни, то другие в ведро с водой. Наши солдатки смотрели на это шоу с

широко открытыми глазами, не веря, что после этого «тикалки» будут ходить. Но они ходили. И, конечно, тут же раскупались – ведь каждому хотелось, вернувшись домой, куда-нибудь на Тамбовщину, похвастаться таким «трофеем».

Часы я тогда не купил, а свою роспись на Рейхстаге оставил. Но вряд ли она осталась после его реставрации. Там же в Берлине я познакомился и подружился с двумя американскими офицерами из Чикаго, с которыми мы на их машине ездили знакомиться с разрушенным городом и его окрестностями и размышляли о том, каким будет мир после войны. Но никто из нас не мог и предположить, что спустя полвека я приеду жить в Америку и буду благодарен за это своей судьбе.

Война закончилась, и надо было радоваться долгожданному миру. Но именно в этот момент меня настиг страшный удар. В один из майских дней меня вызвал генерал Зернов и дал телеграмму от жены, из Стерлитамака. Аня сообщала о смерти родившегося там нашего младшего сына Валерия. Но на похороны мне так и не удалось съездить – командование соболезнование мне выразило, а в отпуск не отпустило, ссылаясь

.....

.....

на срочность и государственную важность работы, которую я делал. Срочность же тогда была в том, что советские войска, первыми занявшие Берлин, должны были поделиться с союзниками частью территории города, на которой не все успели «зачистить», другими словами, демонтировать и вывезти оставшиеся материальные ценности. Прежде всего – технику. Ведь это совсем другое дело, чем врывать с оружием в дома дрожавших от страха местных фрау и требовать под страхом смерти спрятанных ценностей. Правда, мародерство скоро было прекращено приказом коменданта Берлина генерала Берзарина, в котором любители «трофеев» из квартир гражданского населения предупреждались о военном трибунале.

* * *

Здесь я хочу сделать «отступление в будущее», которое тоже связано с Германией. Конечно, тогда, в мае 45-го, когда я ходил по разрушенному Берлину, и все еще никак не мог осознать, что эта страшная война окончилась, то, понятно, не думал, что когда-нибудь не только снова сюда попаду, но и найду здесь хороших друзей. Но

.....

так случилось ровно через двадцать лет. В 1975 году я поехал в составе туристической группы в тогдашние Чехословакию и ГДР. С особым волнением ждал встречи с Берлином – каким стал город, лежавший передо мной в развалинах в мае 45-го, какими стали люди, воевавшие против моей страны, забрасывавшие мой Ленинград бомбами и пытавшиеся стереть его с лица земли? Но, поистине, время лечит, и не только раны войны, оно стирает с годами и чувства вражды и ненависти между народами. Передо мной лежал обновленный красивый город с заново отстроенными улицами, хотя кое-где еще оставались следы военных лет. По улицам ходили неплохо одетые, казавшиеся благополучными, люди, ничем не напоминающие тех испуганных голодных немцев, которых я видел ровно 20 лет назад. Казалось, что здесь живет совсем другой народ, совсем другие немцы. Город разрезала на две части высокая бетонная стена, за которой лежал незнакомый мир – западный. Но нас, советских людей, туда не пускали, поэтому и пришлось мне вглядываться лишь со смотровой площадки у Бранденбургских ворот в тот Берлин, по которому я свободно ходил в победном мае 45-го.

.....

Конечно, было бы интересно посмотреть на те районы, в которых я тогда бывал, например на тот, где мы срочно демонтировали завод до того, как он оказался во французской зоне оккупации, однако даже подумать вслух об этом было тогда опасно. Да и зон никаких уже давно не было. А было два города – Западный и Восточный Берлин, разделенные бетонной стеной. В один из дней для нашей специализированной группы, в которую входили главным образом представители различных промышленных предприятий, была организована встреча в Берлинской ратуше с немецкими коллегами. Рядом со мной за столом оказался инженер Арвид Фестерлинг, работавший в мукомольной промышленности. Думаю, что нас поэтому и посадили рядом. И, разумеется, мы сразу нашли общий язык, тем более, что немецким я тогда владел довольно сносно. Он не скрывал, что воевал, но только не на восточном фронте, а на западном, значительную часть войны провел во Франции. Но мы не столько говорили о войне, сколько просто о жизни, о нашей профессии. И продолжили мы этот разговор, когда пошли вечером прогуляться по знаменитой и одной из самых красивых улиц Берлина – Унтер дер

.....

Линден, которая обрывалась у Бранденбургских ворот. Арвид много рассказывал о своей семье, о дочке Регине. Когда он узнал, что у меня три сына, то дружески пошутил, мол, к сожалению, у него только одна невеста. Забегая вперед скажу, что через два года мне довелось присутствовать на ее свадьбе.

Та поездка запомнилась не только тем, что я на немецкой земле обрел друга, но и потрясением от увиденного в бывшем концлагере Бухенвальд, превращенном в мемориальный комплекс. Трудно даже было представить, что одни люди могут так изуверски издеваться над другими людьми – с помощью бесчеловечных опытов над заключенными, которые проводили так называемые «врачи», специально обученных овчарок, тока высокого напряжения, пропущенного через колючую проволоку, изощренных пыток, доводящих до безумия и страшных мучений... С каждым шагом по этому лагерю смерти кровь буквально застывала в жилах. Всякий раз, как я слышу тревожные звуки и слова «Бухенвальдского набата»: «Люди мира, на минуту встаньте! Слушайте, слушайте, звучит со всех сторон, это раздается в Бухенвальде – колокольный звон,

.....

.....

колокольный звон...», – у меня сжимается сердце и перед глазами возникают картины зарешеченных барачных и смотровых вышек, и восстание, готовых погнубнуть несчастных узников концлагеря, который фашисты создали по злой иронии судьбы близ Веймара, где родился любимый композитор Гитлера – Вагнер. А потом была тишина Трептов-парка, над которым высится фигура советского воина-освободителя со спасенным ребенком на руках. Он стоит там поныне, и никто не посмел посягнуть на эту святыню даже после объединения Германии. По обе стороны главной аллеи – склоненные гранитные знамена в память тех миллионов воинов, которые погибли, чтобы спасти мир от фашизма. Несколько тысяч из них похоронены в этом же парке, и никто не нарушает их покой, как это делают в некоторых бывших советских республиках. А гранитные знамена памяти, который был когда-то припасен гитлеровцами для сооружения арки в Москве в честь их предполагаемой победы в России, пригодился для другой цели, куда более благородной, в самом Берлине.

Через два года мне снова довелось побывать в городе на Шпрее, но уже не с группой, а

.....

одному – меня пригласил на свадьбу дочери мой друг Арвид, прислав с этой целью соответствующее письмо, требовавшееся в то время для такого рода частных поездок даже в соцстраны. Но оно не избавило меня от «чистилища» в выездной комиссии райкома партии (были в свое время и такие): что за немец, где познакомились, какие у нас отношения, не воевал ли он против СССР, почему он пригласил именно меня на свадьбу и т. д., и т. п. Сегодня даже вспоминать об этом дико, но тогда было не до шуток – практически любого, оправляющегося за границу, «потрошили» так, словно человек направлялся в ту или иную страну с какими-то тайными целями, а не просто отдохнуть и посмотреть другой мир. В конце концов, я уехал в Берлин, нагруженный подарками для моих немецких друзей. Понятно, в моем багаже был и электросамовар, который считался тогда престижным подарком, а невесте с женихом я вез обручальные кольца, поскольку золотые изделия в ГДР стоили тогда очень дорого. Встретили меня как близкого человека, выделили отдельную комнату, в которой я прожил почти месяц – весь свой отпуск. Отгремела веселая свадьба и я начал вживаться в быт простой немецкой семьи, в которой

.....

не чувствовал себя чужим. А однажды даже провел почти целый день на мельнице, знакомясь с новой технологией знакомого мне производства. Но, оказалось, что и рабочего дня маловато для обмена профессиональным опытом. Главный инженер мельницы оказался таким же увлеченным человеком, как и я, и пригласил домой на ужин для продолжения разговора. А когда мы с ним, не забывая иногда пропустить в беседе рюмочку за дружбу, посмотрели на часы, то ахнули – была глубокая ночь и ехать куда-нибудь было уже поздно. Так я остался ночевать у коллеги, с которым мы тоже подружились. На следующий день по выражению лица Арвида и его жены я понял, что они обиделись на мою ночную «измену», хотя тактично не задавали лишних вопросов. Я, разумеется, объяснил, как это получилось, и недоразумение было исчерпано, хотя потом они не раз дружески поддевали меня, ненароком спрашивая, где это советский инженер пропадает ночами в Берлине. А я давно заметил, что беззлобно подшучивать друг над другом могут только друзья. Это был год 1977-й. Ровно через 22 года после того, как я с двумя американскими офицерами раскатывал на их «виллисе» по разрушенному Берлину.

.....

* * *

Только поздней осенью 45-го, когда был расформирован наш «трофейный» батальон, я смог положить цветы на могилу своего так рано умершего сына. Долгие годы после этого я казнил себя за то, что меня не было рядом с ним, когда он заболел, что, быть может, я ему тогда сумел бы помочь. Видя мои страдания, Аня меня утешала – никто нашему малышу тогда помочь был не в состоянии. Но боль все равно не проходила. Я надеюсь, что когда-нибудь кто-то из моих внуков сумеет попасть в далекий башкирский город и положит на могилу Валерика цветы и от моего имени.

Мы вернулись в наш город «знакомый до слез» – в Ленинград. Это было трудное послевоенное время, трудное для всех, особенно для нас – с двумя маленькими детьми –левой и Витей, без жилья и какой-либо перспективы получить его в обозримом будущем. Еще не была отменена карточная система, и продукты были крайне лимитированы. Но мы не унывали, мы выжили, мы в нашем любимом городе... И все-таки, время от времени, отчаяние охватывало нас с Аней – что дальше? Но я уже писал, что мне в

.....

.....

жизни везло на хороших людей. Вскоре после возвращения я встретил бывшего своего товарища по техникуму Павла Астахова, работавшего директором мельницы им. СМ. Кирова. Он не только взял меня на работу, но и выбил комнату в коммунальной квартире ведомственного дома. Комната была небольшая, всего 16 квадратных метров, но это была наша комната. К тому же дом находился недалеко от поликлиники, где Анечка работала детским врачом и по совместительству врачом «скорой помощи». Подрабатывать еще в нескольких местах приходилось и мне – прожить с двумя детьми на одну, весьма небольшую, зарплату было очень сложно. Жизнь понемногу налаживалась, но оставалась проблема с детьми – мы умудрялись передавать их друг другу по «эстафете», иногда присматривали соседи, но долго так продолжаться не могло. И однажды, взяв краткосрочный отпуск, я махнул в Стерлитамак. Там жила чудесная женщина Мария Филипповна Шарф, которую мы ласково называли бабушкой. И не столько из-за возраста – ей было под 70, но главное, из-за ее характера – доброго, приветливого, во время войны она помогала нам, чем могла, стала по-настоящему родным челове-

.....

ком. Когда я предложил ей жить вместе с нами в Ленинграде, она с радостью согласилась – ведь это был ее родной город, из которого ее, немку по национальности, выселили в начале войны, отправив в далекую Башкирию. Так нас стало пятеро в маленькой комнатухе. А в 1950 году Анечка подарила мне третьего сына – Женю. Мы буквально задохались в своих шестнадцати метрах. И тут на помощь снова пришел мой старый товарищ Астахов – Павел сумел выделить нам 22-метровую комнату. Для нас это было спасение – ведь тогда многие жили в ужасающих условиях, нередко в сырых подвалах, в чердачных клетушках. Проблема жилья и сегодня остро стоит в России, а тогда, после войны, когда многие города лежали в развалинах, это была настоящая трагедия.

У меня была тогда только одна возможность что-то изменить – по вечерам я работал на строительстве жилого дома, надеясь, как было обещано, получить там площадь. Но дом построили, а мне объяснили, что в первую очередь жильем обеспечиваются рабочие, я же относился к категории инженерно-технических работников, а потому новосёлом пока стать не могу. Тогда я с

.....

горечью понял, что верить власти нельзя, даже если это власть маленьких чиновников. Надеяться оставалось только на себя и на то, что в стране когда-нибудь что-то изменится. Такой момент наступил в марте 1953 года – умер Сталин. Я хорошо помнил чистки 30-х годов, когда неожиданно исчезали люди. Я помнил красного командира Георгия Озолина, сражавшегося за советскую власть в Гражданскую войну, и уничтоженного этой властью. И надо же так случится, что именно смерть вождя чуть не перечеркнула всю мою жизнь и карьеру.

XIII. Все – впереди

Случилось это в день его похорон, который совпал с днем рождения нашего первенца – Левушки, ему исполнилось ровно 10 лет. Вечером к нам пришли мои родители, жившие в то время уже в Ленинграде, поздравить внука. Кажется, на столе не было даже вина. Мы сидели за столом и тихо пили чай. В это время распахнулась дверь и в комнату ворвался как всегда полупьяный сосед Гриша. «Веня, – с надрывом обратился он ко мне, – дай червонец, хочу выпить за упокой души товарища Сталина». Я ему уже не раз давал в долг. Но он ни разу мне его не отдал. Дело было даже не в деньгах, просто мне надоело его хамство. Я отказал, сказав, что денег нет. И Гриша решил мне отомстить. Он позвал соседку, также «тепло» относившуюся к евреям, как он, и они вместе накатали заявление, что, мол, когда вся страна находится в трауре, оплакивая любимого вождя, у товарища такого-то (имя, фамилия) гулянка, они-де празднуют... И так далее. А много ли тогда надо было, чтобы осудить человека? И началось... Сначала на партсобрании пред-приятия, где я работал, потом – на бюро райкома пар-

.....

тии. На повестке было два предложения: осудить и исключить из партии. Последнее означало, что на моей профессиональной карьере можно поставить жирный крест, что, в лучшем случае, меня возьмут подсобным рабочим, да и «строгач» ничего хорошего не сулил. Попытки что-то объяснить были бесполезны. В конце концов ограничились строгим выговором, который был снят после разоблачения культа личности. Такие были времена.

Шли годы, подросли дети – Лева уже работал, Витя и Женя заканчивали институты. Мы с Анечкой гордились своими сыновьями, которые пробивались в жизни сами, не прячась за маминной и папиной спиной. Они не росли в тепличных условиях, да мы и не могли их создать, и получили хорошую жизненную закалку. Может, поэтому каждый из них сегодня достиг той высоты и уважения окружающих их людей, подняться до которых многим не хватает целой жизни. А может и потому, что, не слишком балуя наших сыновей, мы вкладывали в них всю свою любовь, на которую были способны. Сегодня, глядясь в океанскую даль из окна своей квартиры на 4-м этаже в Нью-Йорке, которую мне, как

.....

старому человеку, предоставили местные власти, я невольно вспоминаю свою жилищную ленинградскую эпопею. В конце концов я получил однокомнатную квартиру, построив ее фактически своими собственными руками. Эта история примечательна сама по себе. После многих лет ожиданий и десятков заявлений, у меня появилась надежда – в горжилотделе мне предложили самостоятельно не только сделать капремонт квартиры, на которую страшно было смотреть, но и подвести к ней газ. Срок – год. И я выполнил эти условия, получив, наконец, впервые сносное жилье. Такова была благодарность советской власти за мою многолетнюю беспорочную работу, которая называлась – обеспечивать родину хлебом. Но я говорю об этом не с упреком – в таких условиях жили, да и живут поныне, миллионы людей в стране, которую я покинул в 1993 году. В конце концов, мы скопили деньги и купили кооперативную квартиру; и даже помогли нашим детям с жильем на первых порах. Сегодня же они благодаря своим способностям и трудолюбию, имеют возможность жить в таких условиях, которые нам и не снились. И я могу быть только благодарен судьбе, что она так распорядилась, отдав

.....

должное нашим дорогим мальчикам, ставшими серьезными деловыми людьми, уважаемыми в обществе, в котором они живут. И это лучшая награда, которую я мог ожидать от жизни.

Конечно, у каждого свое понимание счастья, и в разные периоды жизни оно, наверное, меняется. Я тоже нередко задумывался над этим, и пришел к однозначному выводу: сегодня для меня самым большим счастьем, самым большим достижением в жизни являются мои сыновья, мои любимые внуки и правнуки. И для моей отцовской гордости есть все основания. Тому есть много примеров, но я хочу вспомнить только об одном случае, который подтверждает мою мысль об отцовской гордости.

Однажды, еще в Ленинграде, кажется это было до его переименования, я несколько недель жил в квартире Жени, уехавшего в командировку. И вот как-то ночью раздался звонок – звонил один из друзей сына, известный артист Владимир Винокур, с которым в Германии случилось несчастье. Ему срочно нужна была Женина помощь. Наверное, такому популярному человеку было к кому обратиться в трудный для него момент, но он позвонил именно Жене, зная, что

.....

на него можно полностью положиться! Я нашел по телефону Евгения, рассказал ему о несчастье с Винокуром, о котором тогда говорила, кажется, вся страна... И, как позже я узнал, Женя сделал все возможно и невозможное, чтобы его знаменитый друг встал на ноги. Встречая потом у него дома Александра Розенбаума, Льва Лещенко и других народных любимцев, я уже не удивлялся, что у моего сына такие знакомые – он умеет дружить, и его друзья это высоко ценят, причем не только известные.

Судьба не раз бросала мне суровые вызовы, словно проверяя на прочность. Такой вызов бросила она мне ровно четверть века назад. У Ани тяжело заболел брат в Израиле, а ухаживать за ним оказалось некому, и ей пришлось поехать туда, чтобы помочь родному и одинокому человеку. Она осталась там на долгие годы. Так бывает, что беда разводит даже близких людей.

Но в жизни случается и наоборот, как в известной народной поговорке – «не было бы счастья, да несчастье помогло». Когда я остался один, хотя сыновья отца, конечно, не забывали, меня надолго свалила с ног тяжелейшая инфекционная болезнь. Так я оказался в ленинград-

.....

ской инфекционной больнице им. Мечникова, куда попал благодаря стараниям районного врача Таисии Пошерстник. Мог ли я предположить тогда, что эта болезнь изменит на долгие годы мою судьбу? Таисия чуть ли не ежедневно приходила в больницу, ухаживала за мной как за родным, и, в конце концов, выходила. Конечно, не одна, многим помогали и постоянно навещавшие меня сыновья, как сейчас помню деликатесы, которые каким-то чудом для меня доставал Женя в то время, когда на полках магазинов было пусто. В общем, когда я поправился, рядом со мной оказался человек, ставший для меня, скажем так, не чужим. Сыновья с пониманием отнеслись к этой новой главе моей жизни и по прошествии некоторого времени, оформив развод с остававшейся жить в Израиле Анной, я вступил с Таисией в законный брак. Вместе мы пятнадцать лет назад приехали в Америку вслед за средним моим сыном Виктором. Это были непростые, но все-таки счастливые для нас годы совместной жизни, и только смерть Таисии сумела нас разлучить на этом свете.

Недавно, на выставке моих картин, открытой в одном из залов Бруклина, меня спросили:

.....

почему на большинстве ваших картин – Ленинград, ведь вы давно живете в Нью-Йорке? Ответить очень просто: Нью-Йорк прекрасный город, я его очень люблю, я его могу видеть каждый день... Но стоит мне закрыть глаза, как всплывают картины далекой прожитой жизни, которая уже не вернется – Дворцовая площадь, царский выезд, Невский проспект, белые ночи над Невой, выпускной вечер и щемящий аромат сирени... И, конечно, незатихающая боль – израненный блокадный Ленинград, в котором столько пережито, мужество которого останется в веках. Как замечательно сказал Пастернак:

Жить и сгореть – у всех в обычае,
Но жизнь тогда лишь обессмертишь,
Когда ей к свету и величию
Своею жертвой путь прочертишь.

Не каждому дано такой путь прочертить, но каждый должен к этому стремиться. Все, что я вспомнил на этих страницах – попытка обратить внимание моих внуков и правнуков на судьбы, которые стали предтечей их самих. И хотя былые воспоминания бередят мою душу, но мне и сего-

дня очень интересно жить. Наверное поэтому, несмотря на возраст, я каждый день просыпаюсь с ощущением, что все – впереди.

Нью-Йорк, 2007-2008 гг.

Семья Купсиных (слева направо):
сестра Вера, отец Аким Исаевич, Вениамин,
Сестра Соня, мать Елена Львовна

Вениамин Купсин. Борисоглебск. 1935 год.

Инженер-капитан, Берлин, 1945-й год

Вениамин Купсин с внуком Даниилом.
Мартышкино, Ленинград, 1981

С внуком Даниилом в Нью-Йорке.

С невесткой Беллой Купсиной (жена Евгения) и Александром Розенбаумом в Нью-Йорке

С сыном Евгением

Анна Рафаиловна Купсина с сыновьями Евгением, Виктором и Львом

Анна и Вениамин Купсины, сын Виктор и внучка Лариса

Семья сына Виктора жена Анна, её мама Дора,
брат Доры Борис

Сестра Соня со своей дочкой Ольгой и внуком Женей

Свадьба внучки Ларисы. Сын Виктор и его жена Анна с зятем Александром. 2004 год

Жена Таисия и дочка племянницы Ольги Сыркиной

Четыре поколения Купсиных (слева направо):
Евгений, Вениамин, Майкл, Даниил

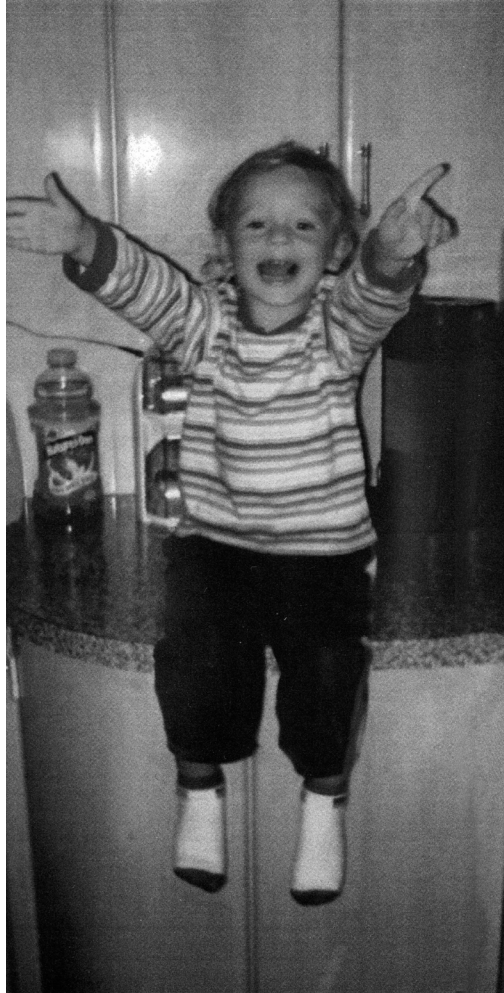
День рождения Вениамина Купсина - 95 лет.
С сыновьями Евгением и Виктором

Вся семья 2008 год. 95 лет, Нью-Йорк

правнук Майкл

правнук Алан

Анна Рафаиловна после возвращения из Израиля

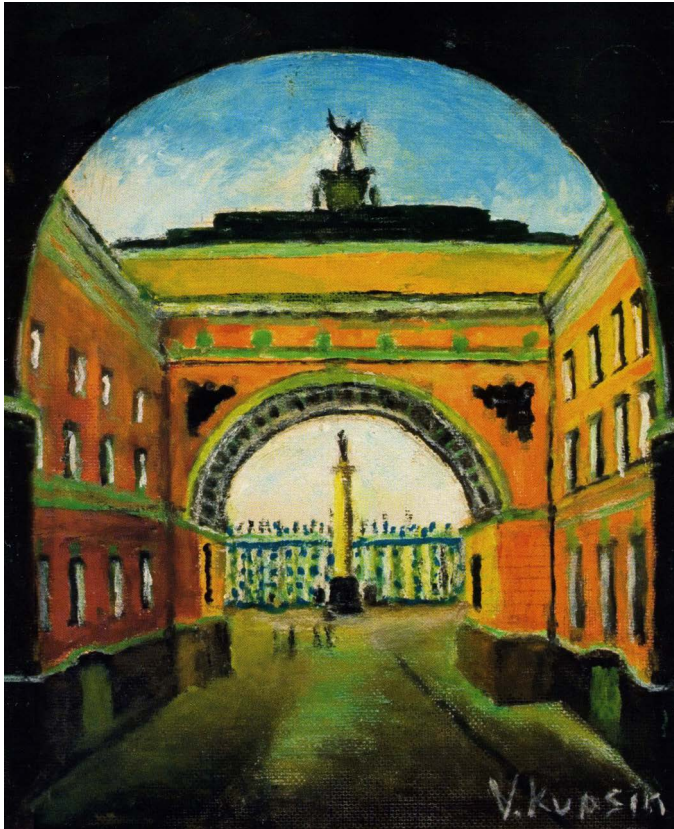
Берлин, 1977-й год

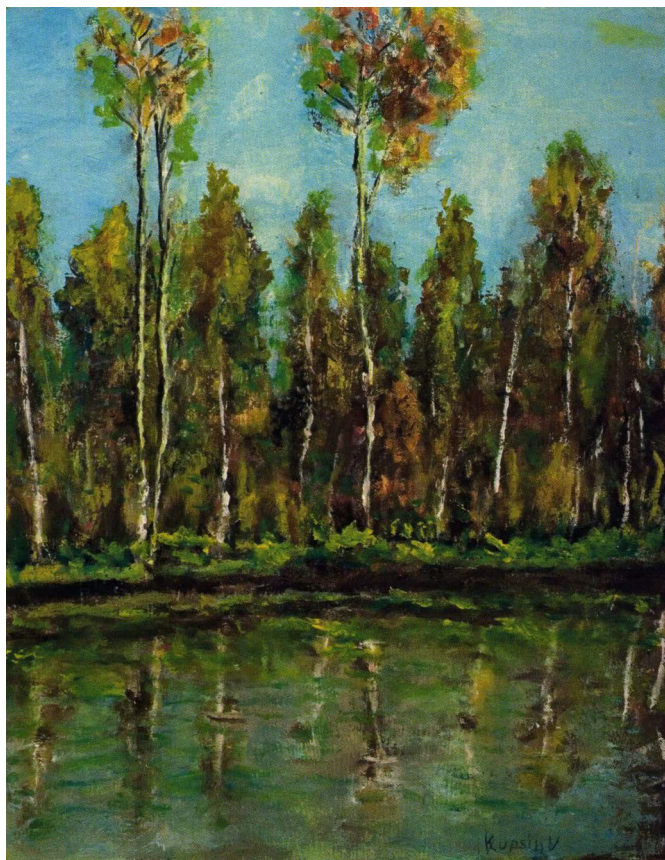

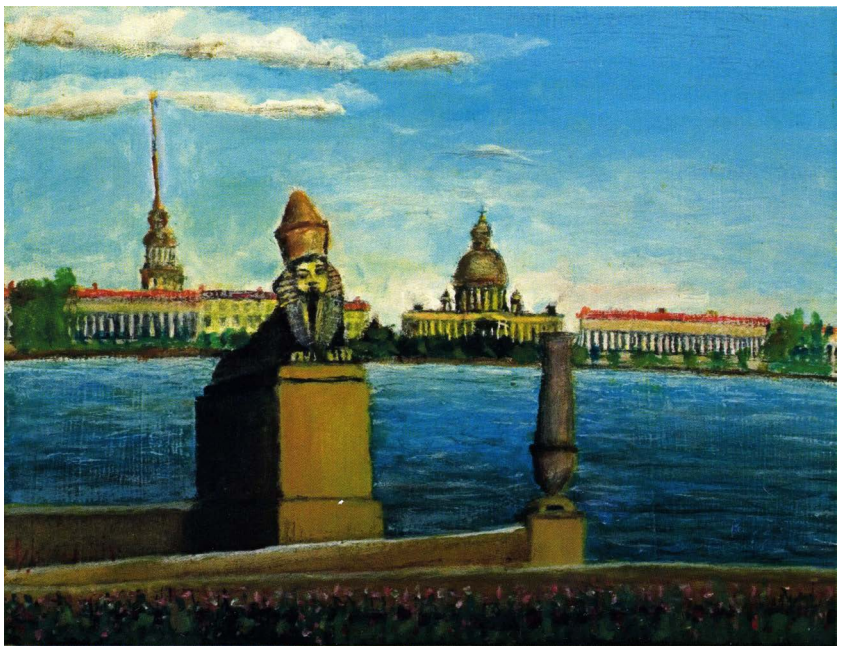
Разводные мосты на Неве

Зимний Дворец в Санкт-Петербурге

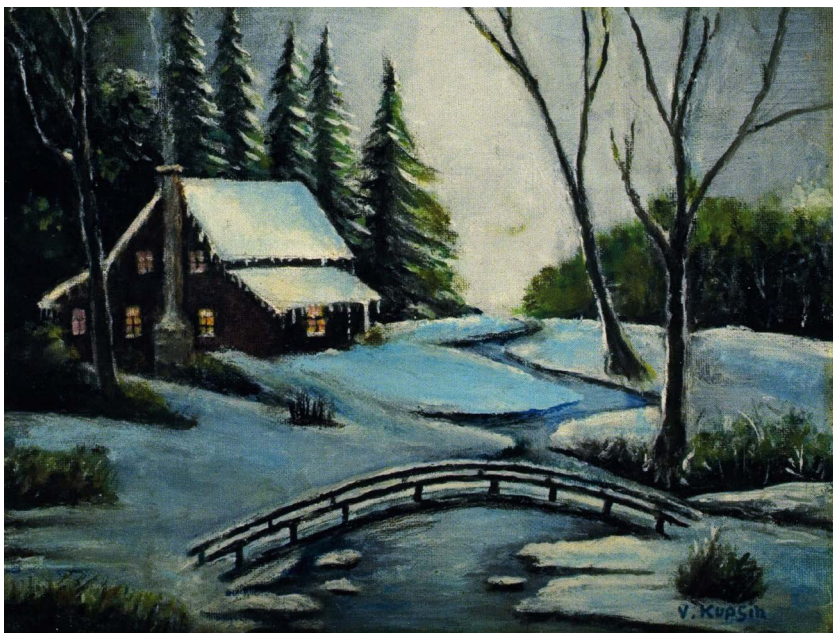
Лесное озеро (окрестности Санкт-Петербурга)

Невские берега

Зимний лес

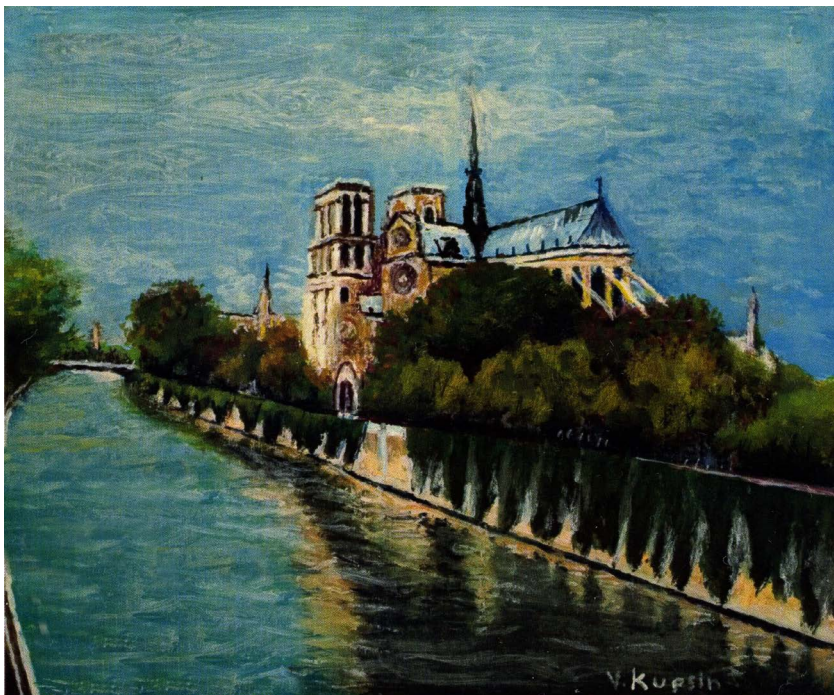

Зимний этюд (окрестности Санкт-Петербурга)

Мулен Руж. Париж

Нотр-Дам де Пари

Южное побережье Франции

Въезд в деревню (Франция)

Грачи прилетели (вспоминая Саврасова)

Манхэттен

